16+
ЧУЖОЙ
ПОНЕДЕЛЬНИК
А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Чужой понедельник

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Чужой понедельник / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В понедельник семья Ильи Ветрякова занята его делами: сын возвращает машину, жена отправляет подарок внучке, сестра отдаёт долг. Сам Илья никому не отвечает. Во вторник дочь находит его убитым. Теперь каждое привычное «папа попросил» требует ответа: когда попросил, кто слышал его голос, а кто всего лишь передал чужие слова? Оксана пытается восстановить последние дни отца и узнаёт о помощи, которую он скрывал от жены, о ребёнке, которого не знают родственники, и о несостоявшейся встрече. Чем ближе разгадка, тем труднее отличить заботу о семье от попытки заставить её молчать.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Передай, пожалуйста 5
Глава 2. Тяжёлый подарок 12
Глава 3. Ключ с красной ниткой 18
Глава 4. Машина внизу 24
Глава 5. Зелёная пиала 30
Глава 6. Обыкновенное лицо 36
Глава 7. Сорок восемь 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

А.М. Сунгурский
Чужой понедельник

Глава 1. Передай, пожалуйста

К полудню Оксана трижды сказала «папа просил», хотя с воскресенья не слышала его голоса.

В первый раз она попросила брата забрать машину из сервиса. Влад ответил, что помнит, и спросил, откуда у неё номер мастера. Во второй — напомнила Людмиле о посылке для Сони: дочь Оксаны недавно уехала учиться в Кострому. В третий Оксана искала бумажку, на которой сама час назад написала, что нужно сделать с двумя парами брюк.

Брюки были на месте. Запись нашлась под ними: «Как старые». Одни брюки — новые, зимние, с картонной биркой. Другие — вытертые на коленях, с отогнутым внутрь поясом. В них хозяин пришёл, переоделся за ширмой и ушёл в третьих, которых Оксана толком не рассмотрела.

— Эти образец? — спросила Тамара, поднимая старые.

— Должны быть.

— Что значит — должны?

Оксана потянулась за телефоном, чтобы уточнить у заказчицы. На экране уже светилось имя тёти Эммы.

— Папа просил до вечера отдать, — сказала Оксана в телефон. — Я сама не повезу. У меня заказы.

— Да я тебе не предлагаю! — отозвалась тётя Эмма. — Я спросила, Роман где работает. На старом месте или переехал? Ты сразу — не повезу.

Оксана перевернула записку. На обороте ничего не было.

— На старом. Подожди, я сейчас адрес пришлю.

— Адрес я знаю. Мне знать, есть он там или нет.

— Есть.

— Ты сегодня звонила?

— Нет, тётя Эмма. Я сегодня ему не звонила.

— Так и скажи.

Связь оборвалась. Оксана некоторое время держала телефон у уха, потом положила его на раскройный стол, поверх листка с мерками.

Тамара выворачивала карман старых брюк. Ей было почти шестьдесят, она бралась за чужую одежду без брезгливости, но карманы предпочитала проверять до работы. На стол посыпались сухие крошки, выпал плоский камешек.

— Это тоже как старые сделать? — спросила она.

Оксана набрала заказчицу. Та ответила весело: да, они оставили обе пары. Новые укоротить, на старых закрепить пояс.

— А длину с каких брать?

Женщина переспросила сына. Он говорил рядом, и Оксана услышала раньше матери:

— С тех, в которых я ушёл.

Оксана посмотрела на свою бумажку.

— Тогда новые пока не трогаем. Пусть зайдёт после занятий, я отмечу.

— Мы же только от вас.

— Знаю. Я плохо записала. Извините.

Договорились на вечер. Оксана приколола к новым брюкам записку «Не резать», на старых нашла распоровшуюся строчку. Камешек положила в маленький пакет и прикрепила к квитанции.

— Выбросить нельзя? — спросила Тамара.

— Вдруг любимый.

— Тогда к брюкам пришей. Больше не потеряет.

Оксана засмеялась. Тамара взяла старые брюки, а новые она повесила отдельно, чтобы никто не перепутал. За окном по Карякинской прошла женщина с огромным пустым пакетом; ветер наполнил его, и пришлось прижать пакет к себе.

— Обедать будем? — спросила Тамара.

— Будем.

— Тогда ты садись. А то твоё «будем» я знаю.

Ателье занимало две комнаты в первом этаже старого дома. В передней, со столом и ширмой, было светло даже в пасмурный день; задняя упиралась одним узким окном во двор, зато там помещались две машины, гладильная доска и шкаф, который никто не мог открыть до конца, не сдвинув стул. Помещение Оксана снимала шестой год. За это время сменились цвет стен, дверь и три электрических чайника, но перекошенный шкаф оставался. Отец однажды подложил под него кусок фанеры и сказал, что теперь простоит дольше дома.

Шкаф стоял.

Тамара достала два контейнера и развернула хлеб в полотенце. Оксана убрала с маленького стола коробку пуговиц. Телефон снова зазвонил, когда она уже держала в руках вилку.

На экране было имя Кости Ганина, сына тёти Эммы.

— Если это тоже про папу, я за обедом, — сказала она вместо приветствия.

— Приятного аппетита.

Голос двоюродного брата звучал близко, без дорожного шума. Оксана знала, что сегодня он едет в Вологду, и представила его на заправке: стоит у машины с бумажным стаканом, придерживает куртку локтем, чтобы не наступить на неё, пока достаёт что-нибудь с заднего сиденья.

— Ты уже уехал?

— Выехал. Остановился ненадолго. Слушай, Илья Константинович просил передать: Алёне сегодня к нему не надо.

— К шести?

— Да. У него всё сдвинулось. Пусть не отпрашивается.

Оксана положила вилку.

— А сам он ей сказать не может?

— Наверное, может. Меня попросил. Я тебе звоню, потому что ты её вчера приглашала.

Это было верно. Отец позвонил в воскресенье, когда Оксана с мужем, Артёмом, таскала из кладовки коробки, и попросил узнать, сможет ли Алёна заглянуть в понедельник в старую квартиру. Он хотел «кое-что с ней обговорить». Оксана решила, что речь опять о зубах: Алёна работала в стоматологической клинике, и все родственники хотя бы раз начинали разговор с ней словами «только спросить».

— Он с тобой разговаривал?

— Разговаривали. Я поэтому и передаю. Ты ей скажи, пожалуйста, а то она себе уже время освободила.

— Ты же муж. Тебе ближе сказать.

Костя засмеялся.

— Мне сейчас до неё двести километров, тебе три остановки.

— По телефону остановки не считаются.

— Ксюш, я на минуту выскочил. Сейчас ещё грузовик надо пропустить, здесь выезд дурацкий. Хорошо?

Оксана посмотрела на Тамару. Та молча ела гречку и листала старый журнал с выкройками, придерживая страницу локтем. Между ними стоял хлеб; на полотенце уже проступило масляное пятно от крышки контейнера.

— Хорошо. Езжай.

— Спасибо. Как Сонька?

— Учится.

— Освоилась?

— Сама спроси. У неё телефон свой.

— Это понятно. Ну, привет ей.

Он отключился. Оксана нашла Алёну в списке недавних вызовов и нажала на имя прежде, чем вернуться к еде.

Алёна ответила не сразу. На заднем плане кто-то спокойно называл время приёма.

— Ты можешь говорить?

— Если быстро.

— Папа просил передать: сегодня не приходи. К нему. К шести.

В трубке стало тише. Наверное, Алёна прикрыла дверь.

— Он тебе звонил?

— Костя звонил. Говорит, у папы всё передвинулось.

— Понятно.

— Ты уже отпросилась?

— Я поменялась.

Оксана ждала продолжения. Алёна не стала объяснять, с кем менялась и на какой день.

— Если тебе всё равно удобно, зайди ко мне. Я до семи. У меня твоя юбка висит.

— Я помню.

— Она давно готова. Просто ты всё работаешь.

— Ксана, мне пора.

Так Алёна называла её с тех пор, как её дочь Мила, ещё маленькая, потеряла первую гласную и не пожелала искать. У остальных родственников Оксана была Ксюшей. Ей нравилось собственное отдельное имя у Ганиных, хотя Алёнино короткое «мне пора» сейчас почему-то задело.

— Ладно. Если решишь зайти, я здесь.

— Спасибо.

Тамара к этому времени закрыла контейнер.

— Сказала?

— Сказала.

— Тогда ешь, пока новое поручение не родилось.

Оксана потянулась за хлебом.

— Это папа наводит порядок. Он решил старую квартиру разобрать. Теперь всем досталось.

— А себе?

— Себе больше всех. Там же ещё бабушкины банки.

— Банки хорошие?

Оксана засмеялась.

— Не начинай. Ты их ещё заберёшь, я знаю.

— Если с крышками, почему нет.

Отец жил с Людмилой в другой части Рыбинска. Старая двухкомнатная квартира за Черёмухой осталась после бабушки, и за несколько лет превратилась в место, куда можно отвезти

то, что жалко выбросить. Оксана держала там запас ткани и сломанную стойку. Влад — зимние колёса и два разобранных шкафа. Варя, младшая сестра, оставила университетские макеты; отец сердился, что они занимают целую комнату, но не позволял никому ставить коробки на белые картонные крыши.

В воскресенье он объявил, что с этим пора кончать. Два дня, сказал он, и каждый заберёт своё. До вторника сам останется в квартире: ездить туда-сюда незачем, диван есть. Людмила собиралась в Ярославль к Варе, помогать с переездом из одной съёмной комнаты в другую. Они с Ильёй и так часто проводили день или два порознь, если это было удобнее. Никто в семье не называл такую поездку разлукой.

Оксана пообещала приехать за тканью во вторник утром.

Теперь весь понедельник на неё сыпались дела, которые следовало выполнить кому-то ещё.

* * *

Тётя Эмма вошла после двух, не позвонив заранее. На ней было зелёное пальто с круглым вязаным воротником. Оксана сама пришила его прошлой осенью, когда родной воротник окончательно залоснился. С тех пор тётя на вопрос, где купила пальто, отвечала: «Семейная работа», — словно они с Оксаной вместе ткали сукно.

— У тебя есть конверт?

— Почтовый?

— Мне не посылать. Положить.

Оксана открыла верхний ящик. Там хранились гарантийные талоны, несколько конвертов с запасными пуговицами и поздравительная открытка, которую однажды забыли забрать вместе с отремонтированным пиджаком. Чистых конвертов не было.

— Могу из бумаги сделать.

— Сделай. А то неудобно как-то в руки. Сумма всё-таки.

Тётя присела на клиентский стул и начала расстёгивать сумку. Тамара поздоровалась с ней из задней комнаты. Эмма Константиновна тут же спросила о Тамариной кошке, которая летом перестала есть, и выслушала ответ с таким вниманием, будто ради этого и пришла.

Оксана сложила лист из принтера.

— Сколько папа должен?

— Сорок восемь.

— Тысяч?

— Рублей я бы в карман положила. Чего ты меня допрашиваешь?

— Я не допрашиваю. Просто он машину ремонтирует. Там тоже деньги.

— Машину Влад забирает.

— Я не о том, кто её забирает.

Тётя вынула небольшую пачку купюр, перехваченную узкой резинкой, и быстро, привычно перебрала. Положила на стол.

— Тётя Эмма, а где папа тебе деньги передал?

Пальцы тёти замерли.

— Это мои пока. Он вернёт.

Оксана отложила бумагу.

— То есть он тебе не дал?

— Он просил заехать к Роману. Сегодня. Я заеду.

— И заплатишь своими.

— А чьими мне платить? Твоими?

Оксана взяла телефон.

— Давай я ему наберу.

— Зачем?

— Потому что ты не должна бегать с наличными через весь город, если он обещал отдать долг.

— Я не бегаю. Я еду на такси. И через весь город ты тоже придумала. Не звони.

Но Оксана уже нажала вызов.

Длинные гудки шли один за другим. Она смотрела на лежавшие перед тётей деньги: пятитысячные были новее остальных, одна тысячная с загнутым уголком держалась отдельно от пачки. Тамара в задней комнате включила машину. Стук иглы стал быстрым и ровным.

Отец не ответил.

— Может, руки заняты, — сказала тётя. — Он там шкаф снимает.

— Какой ещё шкаф?

— Над ванной. Я ему говорила, не надо одному. Он говорит, уже пустой.

Оксана отключила вызов и написала: «Перезвони. Эмма собралась за тебя деньги отдавать».

— Ты вот зря, — сказала тётя.

— Что зря?

— Написала как про ребёнка. Я собралась. Я не в дальнюю экспедицию собралась. Мы вчера с ним договорились.

Оксана помолчала, взяла сложенную бумагу и закончила конверт. На клапане получилась неровная полоса от клеящего карандаша; она разгладила её ногтем.

— Роман даст расписку?

— Даст, куда денется. Старую вернёт.

— Возьми обязательно.

Эмма Константиновна посмотрела на племянницу поверх очков.

— Я за семьдесят два года деньги не только в магазинах видела.

— Хорошо, тётя Эмма.

— И не говори «хорошо» таким голосом. Ты всё равно считаешь, что я сейчас половину потеряю, а вторую мошеннику отдам.

Оксана не удержалась от улыбки.

— Нет. Мошеннику ты ещё сверху сдачу должна останешься.

Тётя засмеялась, спрятала деньги в самодельный конверт и попросила подписать: «От Ильи. Сорок восемь». Оксана взяла ручку.

— Подожди, — сказала Эмма Константиновна. — Не от Ильи. За Илью. А то и правда потом не разберёшь.

Оксана написала «За Илью Ветрякова. 48 000» и подала конверт. Тётя придирчиво посмотрела на него, убрала в сумку и застегнула её прежде, чем встать.

У двери она остановилась.

— Костя тебе звонил?

— Звонил. Он уже уехал.

— Я знаю. Он мне из машины звонил. Ты его не отвлекай, у него дорога.

— Это он меня отвлекал.

— Значит, надо было.

Эмма Константиновна вышла. Оксана посмотрела ей вслед: тётя остановилась возле края тротуара, достала телефон и долго сверяла номер подъехавшей машины. Потом открыла заднюю дверь, села и уехала.

Под сообщением отцу по-прежнему не было отметки о прочтении.

* * *

К вечеру парень вернулся один, в тех самых брюках. Новые отметили на нём, камешек он молча спрятал в карман, а за починенные старые поблагодарил. Оксана проводила его и наконец убрала со стола квитанцию, которую весь день перекладывала с места на место.

Пришёл ответ от Сони — фотография швейной машины, которую та хотела купить сама.

«Мам, вот эта. Я тебе в прошлый раз другую кинула случайно».

Оксана увеличила снимок. Белый пластиковый корпус, прозрачная крышка отсека, ряд значков, для которых понадобились бы очки. Машина на отцовском столе выглядела совсем иначе: тяжёлая, с металлическим боком, в коричневом переносном футляре. Он нашёл её у знакомого, несколько вечеров возился с приводом, а потом позвонил Оксане и заставил слушать по телефону, как она работает.

«Соня, дед уже отправляет тебе другую. Мы же говорили».

Ответ пришёл быстро.

«Вы говорили».

Оксана набрала: «Он для тебя старался». Посмотрела на слова и стёрла.

В передней стояла Алёна. Она вошла так тихо, что Оксана не услышала звонка над дверью: в задней комнате шипел утюг.

— Ты давно?

— Только пришла.

Оксана встала, нашла на стойке чёрную юбку, сняла прозрачный чехол. Алёна провела ладонью по ткани.

— Примеришь?

— Да, наверное.

Она ушла за ширму. Оксана, не думая, взяла телефон, потом положила обратно экраном вниз. За ширмой шуршала одежда. На стуле осталась Алёнина сумка — небольшая, с потёртой ручкой. Из неё выглядывал край белого конверта, совсем не похожего на тот, который Оксана днём склеила тёте.

Алёна вышла и повернулась перед зеркалом. Юбка стала свободнее в талии, но спереди ещё собиралась небольшая складка.

— Вот здесь тянет, — сказала она.

Оксана подошла, расправила пояс.

— Погоди. Встань, как обычно стоишь. Не втягивай живот.

— Я не втягиваю.

— Все не втягивают.

Алёна выдохнула, и они обе рассмеялись.

Оксана отметила мелом место у бокового шва. Алёна смотрела в зеркало не на себя, а на неё.

— Илья меня сегодня точно не ждёт?

— Я не знаю. Он разбирает квартиру. Костя сказал, что у него всё сдвинулось.

— Я поняла, что Костя сказал.

Оксана подняла голову.

— Тебе срочно надо с папой?

— Это ему было надо.

Ответ прозвучал жёстче обычного. Алёна сразу отвела взгляд и стала поправлять блузку.

— Прости. День дурацкий.

— Хочешь, чай сделаю?

— Нет. Мне домой.

Она переоделась, положила юбку на стол и спросила, сколько должна за дополнительную работу. Оксана сказала, что нисколько: она сама не до конца выпустила пояс.

Алёна всё равно достала кошелёк.

— Не начинай, — сказала Оксана.

— А ты скажи цену, и я не буду.

Они несколько секунд смотрели друг на друга. Потом Оксана назвала небольшую сумму. Алёна заплатила и вдруг спросила:

— Ты завтра утром занята?

— К папе поеду, потом сюда. А что?

— Ничего. Я тогда напишу.

— Алён, если что-то нужно, ты скажи сейчас.

— Мне надо сначала самой понять.

Она не объяснила, что именно, и Оксана не стала задерживать её у двери. Посмотрела, как Алёна перешла улицу, подождала, пока та скроется за припаркованным фургоном, и вернулась к столу.

На телефоне от Сони было новое сообщение:

«Я всё равно рада, мам. Только не говори ему про эту».

Оксана написала, что не скажет. Потом открыла переписку с отцом.

«Пап, завтра буду в девять. Ткань не трогай, сама разберу. Алёне сказала».

Она уже собиралась убрать телефон, когда вспомнила верхний шкаф над ванной, лестницу, которую отец никогда не раскладывал до конца, и добавила:

«И шкаф оставь. Артём приедет, снимете вдвоём».

Тамара выключила свет в задней комнате. Переднее окно отражало обеих женщин, стойку с одеждой и полоску серого неба между домами. Оксана сняла Алёнину юбку со стола, повесила отдельно, чтобы утром не забыть.

Отец так и не перезвонил.

Глава 2. Тяжёлый подарок

В понедельник утром Людмила обнаружила, что не может поднять подарок мужа.

Коробка стояла у кухонной двери. Илья обмотал её верёвкой, сделал сверху петлю и ещё в воскресенье показал, как удобно будет нести. Сам поднял одной рукой, переставил к стене и спросил, не положить ли внутрь чего-нибудь вкусного. Людмила ответила, что девятнадцатилетней внучке можно отправить деньги на вкусное, а не класть шоколад рядом с машинным маслом.

Теперь петля врезалась ей в пальцы, коробка качнулась и тут же вернулась на пол.

— Очень удобно, — сказала Людмила пустой кухне.

Она присела, развязала верхний узел и открыла картонные створки. Сверху лежало полотенце, под ним коричневый футляр. Между футляром и стенкой коробки Илья затолкал свой серый шарф.

Людмила вытянула его за конец. Шарф был длинный, с маленькой дыркой возле кистей. Прошлой зимой она собиралась выбросить его, но Илья сказал, что таким хорошим шарфом ещё можно год пользоваться, а потом два года мыть машину. Судя по всему, середину жизненного пути шарф уже пропустил.

Она положила его на стул и достала телефон.

В службе доставки, где накануне Илья оформил заявку, ответили, что забор из квартиры возможен, только приедут после двенадцати. Точного времени девушка не назвала. Людмила объяснила, что в час должна уехать. Девушка посочувствовала и повторила: после двенадцати.

— Хорошо, оформляйте из квартиры. Я подожду.

После разговора Людмила написала Нине, которая собиралась подвезти её в Ярославль: «Могу задержаться. Тебе критично?»

Нина ответила голосовым сообщением. На заднем плане кто-то стучал посудой, сама она говорила быстро, почти не делая пауз: ей не критично, потому что из-за поставщика она всё равно раньше двух не выедет; только пусть Люда не передумает, а то она уже обещала дочери заехать вдвоём и помочь поднять коробки.

Людмила послушала сообщение ещё раз. Она не вполне поняла, чьи коробки теперь придётся поднимать, Нининой дочери или её собственной, но решила разбираться на месте.

Варя прислала фотографию пустой комнаты. В углу стоял матрас, на подоконнике сушились белые кроссовки. Под снимком было написано: «Солнце есть. Проверено лично».

Людмила увеличила окно. На стекле виднелся след от снятого скотча, зато рама выглядела целой. Предыдущую комнату Варя снимала у женщины, которая каждую осень запрещала трогать окна, потому что «потом дует». Весной запрет сохранялся: хозяйка боялась уличной пыли.

«Когда переезжаешь?» — написала Людмила.

«Уже. Ящики отвёз Антон. Остались сумки и посуда».

Антона Людмила видела один раз. Молодой человек показался ей вежливым, слишком худым и не по погоде одетым. Она до сих пор не знала, встречаются они с Варей или только вместе работают. Дочь на прямой вопрос ответила: «Мы вместе заканчиваем проект». После такого ответа приходилось признать, что более подробных сведений сейчас не будет.

Людмила отправила ей время выезда и вернулась к коробке.

Внутри футляра лежала сложенная записка. На бумаге Илья изобразил два прямоугольника, стрелку и несколько раз подчеркнул слово «ремень». Он всегда рисовал, когда хотел объяснить устройство. Даже список покупок мог превратиться у него в схему магазина, если он не помнил названия нужного товара.

Под рисунком было написано: «Запасной ремень сбоку. Перед включением посмотри, не соскочил ли после дороги. Дед».

Людмила провела пальцем по слову «дед». У Ильи были крупные, немного заваленные влево буквы; последняя «д» походила на недоконченный чертёж. Рядом, на чистом поле, она приписала: «Позвони, когда получишь. Люда».

Соня никогда не называла её бабушкой. Это установилось само собой, без обиды и объяснений, ещё когда девочка только начинала говорить. У неё была бабушка Ирина, первая жена Ильи, и бабушка со стороны Артёма. Людмила совсем не стремилась занять третье место. Она была Людой, которая разрешала трогать глину, а потом отмывала детские ладони в ведре, чтобы не забить раковину.

Ирина умерла одиннадцать лет назад. Соня выросла. Имя осталось прежним, и Людмилу это устраивало.

Она убрала записку под крышку футляра, вместо шарфа положила два куска упаковочного материала и заново закрыла коробку. На этот раз оставила верёвку лежать рядом. Курьер сам скажет, как лучше.

Пока ждала, достала с полки три небольшие чашки. В субботу забрала их после обжига и ещё не успела посмотреть при дневном свете. На одной голубая глазурь легла ровно, на другой у края проступили мелкие пятнышки. Третья, которую она считала неудачной, неожиданно получилась лучше остальных: серый цвет ушёл в тёплый зелёный, словно под тонкой водой виднелся камень.

Людмила поставила чашки на белый лист и сфотографировала. Отправила в группу своих учениц: «Вот что вышло. Твою, Оля, не меняла, ты была права».

Илья вчера предложил приклеить к одной из чашек ручку, которую Людмила специально не делала.

— Неудобно же брать, — сказал он.

— Это пиала.

— Я знаю, что такое пиала.

— Тогда зачем ей ручка?

— Ну, не хотите — не надо. Я предложил.

Он повертел её в руках, поставил на стол и налил себе чай именно в неё. Через минуту пожаловался, что горячо. Людмила сказала, что чай всегда бывает горячим, и подала ему обычную кружку. Он не взял.

Потом они вместе пили чай из новых пиал и смотрели на коробку для Сони. Илья был доволен машиной и несколько раз возвращался к тому, сколько стоят нынешние пластиковые. Людмила не спорила. Она любила его довольство законченной вещью — это спокойное, почти детское удовольствие, при котором он переставал замечать, что остальные уже перешли к другой теме.

Но когда он заговорил о старой квартире, она всё же вернула разговор к себе.

— Ты разберёшь большую комнату — я могу там хотя бы стол для занятий поставить?

Илья посмотрел на чашку.

— Там ещё много всего.

— Я знаю. Ты сказал, два дня.

— За два дня я вещи разберу. А что потом, посмотрим.

— У меня в октябре аренда заканчивается.

— Мы найдём тебе место.

— Илья, я спрашиваю про одно конкретное.

Он поднял голову, хотел ответить сразу, потом помолчал.

— Сейчас я ничего обещать не буду. Хорошо?

Людмила сказала, что хорошо. Обиды как будто не было: квартира принадлежала ему, в ней хранились вещи всей семьи, и сама она прежде отказывалась вести там занятия, пока не уберут лишнее. Но формулировка «мы найдём тебе место» осталась неприятной. Будто она сама всё это время сидела и ждала, когда ей найдут.

Она уже обзвонила три помещения. Одно стоило слишком дорого, в другом не было воды, третье предлагали только по будням с десяти до трёх, когда её ученицы работали.

За двадцать шесть лет брака они научились не доводить каждый неприятный разговор до конца в тот же день. Илья уехал разбирать квартиру, Людмила осталась мыть чашки. Вечером ей даже стало легче от того, что можно заниматься своим делом и никому не отвечать, зачем столько маленьких блюдечек сохнет на полотенце.

Теперь она выбрала из трёх пиал зелёную, обернула её бумагой и положила в сумку для Вари.

* * *

Оксана позвонила, когда Людмила пыталась одновременно найти скотч и открыть окно. На кухне после утреннего солнца стало душно.

— Ты сегодня отправишь? — спросила она.

Людмила поняла без пояснения, о чём речь.

— Отправлю. Жду курьера.

— Я думала, папа сам повезёт.

— Он собирался. Потом попросил меня. Ты же вчера слышала.

— Я вчера много чего слышала. Ей к четвергу надо получить.

— Я сказала при оформлении. Они постараются, но день не обещают.

— Может, лучше было через знакомых?

Людмила закрыла окно. Ручка заедала; она повернула её ещё раз, теперь до конца.

— Если ты знаешь, кто сегодня едет в Кострому и возьмёт тяжёлую коробку, скажи. Пока я жду курьера.

— Нет, я просто спросила.

— Я понимаю.

После короткой паузы Оксана спросила, когда она вернётся из Ярославля.

— Завтра утром. Нина едет рано, с ней обратно. Мне днём надо материалы забрать.

— Мы завтра к папе едем. За тканью. Артём тоже собирается, если с работы отпустят.

— Я, может быть, тоже заеду.

— Позвони тогда.

Людмила нашла скотч в ящике с батарейками. Откуда он туда попал, не помнила. Прошла полдня с мыслью, что Илья увёз его в старую квартиру, и успела мысленно на него рассердиться.

Курьер приехал в начале второго. Молодой мужчина в расстёгнутой жилетке осмотрел коробку, спросил, хорошо ли закреплено содержимое, и попросил показать. Людмила снова раскрыла створки. Пришлось доставать один кусок упаковки, объяснять про футляр, потом закрывать всё заново. Мужчина не торопил её, но несколько раз посмотрел на экран телефона.

— Илья Константинович — это контакт по заявке? — спросил он.

— Муж. Он оформлял. Отправляю я.

Мужчина уточнил её имя и номер. Людмила продиктовала, проверила адрес Сони, оплатила доставку со своего телефона. Квитанция пришла через минуту. Она открыла её и ещё раз посмотрела на город: Кострома. Всё верно.

Коробку он поднял двумя руками.

— Вам помочь до лифта?

— Не надо, донесу.

Он ушёл, и у кухонной двери осталось чистое прямоугольное место. Людмила подмела картонную крошку и верёвку с обрезанным концом. Верёвку не выбросила: свернула, положила возле скотча.

В семейную группу отправила фотографию упакованной коробки и написала: «Подарок дедушки поехал. Соня, жди звонка от доставки».

Илье отдельно переслала квитанцию. Потом набрала его номер.

Он не ответил.

Людмила положила телефон на стол и проверила газ. Вернулась к телефону, написала: «Всё отправила. Уезжаю. Завтра утром буду».

В последнее время Илья стал хуже слышать звонок, если оставлял аппарат в соседней комнате. Он уверял, что дело в мелодии, и каждый месяц выбирал новую. Самая громкая будила его ночью от любого уведомления, тихую он не замечал. Людмила предлагала просто носить телефон с собой. Он говорил, что дома не собирается ходить с карманами.

Она взяла сумку, зелёную пиалу в бумаге и шарф, который так и лежал на стуле. Шарф на секунду поднесла к лицу: пах шерстью и старой деревянной полкой. Повесила на крючок в прихожей.

Нина уже ждала внизу.

* * *

В Ярославле они всё-таки поднимали две разные партии коробок.

Сначала Нининой дочери: та купила полки и не рассчитала, что длинные упаковки не поместятся в маленький лифт. Нина бранилась на магазин, дочь — на собственную уверенность, что сто восемьдесят сантиметров это «примерно как я». Людмила держала дверь и принимала наверху короткие коробки. Когда всё оказалось в квартире, им дали чай и печенье, и они задержались дольше, чем собирались.

Варя встретила мать уже в новой комнате. Сама несла с улицы два пакета, один из которых подозрительно звякал.

— Ты одна? — спросила Людмила.

— Сейчас — да. Антон на работе. Не делай такое лицо, там кружки, не бутылки.

— У меня какое лицо?

— Мамино.

Людмила забрала один пакет и прошла вслед за дочерью. Комната была меньше, чем казалась на фотографии, но светлее прежней. Из окна виднелись деревья и верхняя часть соседнего дома. На полу у стены стояли рулоны бумаги; Варя перетащила их сюда раньше посуды.

— Ты ела?

— Ела.

— Что?

— Мам, я ела. Давай сначала поставим это на пол.

Они поставили пакеты. Людмила сняла обувь и сразу почувствовала, насколько устали ноги. Дочь заметила.

— Садись. Я сама остальное.

— Куда садиться?

Варя оглядела комнату, засмеялась и подвинула к матери единственный стул. На нём лежали чертежи, она перенесла их на матрас, потом спохватилась и унесла на подоконник.

— Вот. Почётное место.

Людмила села, достала зелёную пиалу и подала дочери. Варя развернула бумагу.

— Твоя?

— Моя.

— Красивая. Мне?

— Нет, показать привезла.

Варя улыбнулась и провела пальцами по краю.

— Правда красивая. Я её для орехов поставлю.

Людмила хотела сказать, что из неё можно пить, но передумала. Для орехов она тоже подходила.

До вечера они разбирали пакеты. Варя решила переставить матрас к другой стене, чтобы свет не бил в лицо утром. Потом обнаружилось, что возле этой стены нет свободной розетки. Они вернули матрас назад, нашли удлинитель, опять передвинули. Людмила предложила сначала решить, где будет рабочее место, и дочь неожиданно согласилась.

На общем кухонном столе Варя приготовила макароны с помидорами. Хозяйка квартиры пришла поздороваться, показала Людмиле, где лежит чистое бельё, и ушла в свою комнату. Ничего не сказала ни про расход воды, ни про свет. Людмила поняла, почему Варя так радовалась этому переезду.

За ужином дочь спросила:

— Папа тебе звонил?

— Сегодня нет. Он же разбирает склад имени нашей семьи.

— Мне вчера сказал, что мои макеты первыми выкинет.

— Он не выкинет.

— Я знаю. Но надо забрать. У Антона машина маленькая, придётся два раза.

— Договоритесь с Владом.

— Мы с ним уже договаривались. Он то может, то не может. Я сама.

Людмила перестала наматывать макароны на вилку.

— Когда ты с отцом говорила?

— Вчера вечером. Перед тем как Антон пришёл. Я ещё ему показала комнату на видео. Почему?

— Просто спросила.

Варя посмотрела на мать.

— Вы поругались?

— Нет.

— Мам.

— Мы не поругались. Я спросила про комнату в старой квартире. Он пока не решил.

Дочь положила вилку.

— Ты хочешь там занятия делать?

— Хотела бы. Там вода, свет, нормальное окно. Если убрать вещи, места хватит.

— Мы можем тебе посмотреть ещё что-нибудь. Я в Рыбинске не всё знаю, но...

— Варя, не надо сейчас искать. У тебя своих дел полно.

— Я не сказала, что сейчас. Можно в субботу.

Людмила покивала и вернулась к еде. Ей вдруг стало неприятно от собственного отказа. Она жаловалась, что муж откладывает её просьбу, а дочь предложила вполне понятное дело — и получила почти тот же ответ.

— В субботу можно, — сказала она. — Только не вместо твоей работы.

— Работа у меня в пятницу заканчивается. Теоретически.

Они засмеялись. Варя достала телефон, записала себе напоминание. Людмила увидела на экране несколько непрочитанных сообщений и фотографию незнакомого фасада, которую кто-то прислал дочери. У Вари шла своя жизнь, подробностей которой мать никогда не знала целиком. Сегодня это было приятно: комната с солнцем, мужчина, который помог перевезти вещи, работа, которую хочется закончить.

Поздно вечером Людмила ещё раз набрала Илью. Не дождалась ответа и отключила.

— Не берёт? — спросила Варя с матраса.

— Устал, наверное. Уснул.

— У него телефон где-нибудь под шкафом. Он потом скажет, что слышал, только найти не мог.

— Точно.

Людмила написала: «Шарф твой спасла. Висит в прихожей. Не ищи в посылке».

Варя улыбнулась, когда мать прочитала ей сообщение вслух, и спросила, что папа снова придумал с шарфом. Людмила рассказала. Дочь смеялась негромко, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не мешать хозяйке за стеной.

Они легли поздно. Людмиле достался матрас, Варя устроилась на раскладном кресле, которое одолжила хозяйка. Из окна тянуло свежим воздухом, на кухне ровно гудел холодильник. В темноте дочь спросила, не холодно ли матери. Людмила сказала, что хорошо.

Телефон она положила рядом с подушкой, экраном вверх.

Глава 3. Ключ с красной ниткой

Артёма с работы не отпустили. Он позвонил Оксане в половине девятого, когда она уже стояла у двери с двумя пустыми сумками, и попросил ничего тяжёлого не трогать.

— Я ткань заберу. Там три свёртка.

— У тебя три свёртка бывают такие, что я потом из машины боком выхожу.

— Тогда два.

— Ксюш.

— Я поняла. Приедешь вечером.

Она оставила большую сумку дома и взяла ту, у которой ручки были короче. Отец терпеть не мог, когда длинные ручки волочились по полу, пока человек искал в сумке ключи. Обязательно подбирал их и совал в руку хозяину, даже если от этого всё приходилось начинать заново.

Людмила позвонила уже в дороге. Они с Ниной вернулись из Ярославля; Нина высадила её возле дома, и Людмила успела только отнести вещи.

— Ты ещё едешь к Илье?

— Да. Почти подъехала.

— Подожди меня. Я через несколько минут буду.

— Ты ему звонила?

— Сейчас — нет.

— А вчера?

— Не дозвонилась. Ты?

Оксана смотрела в окно такси. У остановки двое мужчин пытались развернуть высокий узкий щит, не задевая людей. Один всё время отступал не в ту сторону, другой сердился, но щит держал.

— Тоже нет. Он опять телефон куда-нибудь положил.

Она сказала это уже без вчерашней уверенности. Вечером легко было сердиться на чужую необязательность, когда впереди оставалась целая ночь. Теперь отец не отвечал слишком долго, и Оксана начала перебирать простые объяснения: разрядился, ушёл к соседу, забыл дома. Последнее не годилось — Людмила только что была дома и наверняка заметила бы телефон. Оксана не спросила. Вместо этого нашла отцовский номер и позвонила ещё раз.

Гудки шли. Такси остановилось.

Она расплатилась, вылезла с сумкой и осталась ждать возле подъезда. На газоне стоял разобранный велосипед без переднего колеса. На сиденье натянули пакет от дождя, но он съехал набок. Оксана поправила его и тут же рассердилась на себя: заняться больше нечем.

Людмила появилась с другого конца двора. На ней было то же синее пальто, в котором она вчера уехала, волосы собраны кое-как, на ходу. У подъезда она остановилась, достала ключи, потом увидела ключи у Оксаны и убрала свои.

— Я звонила, пока ждала, — сказала Оксана.

Людмила кивнула.

Они поднялись на третий этаж. Возле нужной двери Оксана нажала звонок, хотя в руке уже держала ключ с красной ниткой. Нитку завязала бабушка, чтобы не путать с похожим ключом от кладовки. Кладовки давно не было, а нитка осталась: выцвела, распушилась, укоротилась до двух неровных концов.

Из квартиры донёсся короткий звон.

— Пап!

Людмила прислушалась, коснувшись ладонью двери.

— Открывай.

Ключ повернулся как обычно. Оксана вынула связку, придержала дверь плечом, пропуская Людмилу, но та осталась рядом, пока Оксана не вошла сама.

В прихожей пахло старой мебелью и пылью. Отец снял с пола длинную дорожку, свернул и прислонил к шкафу; под ней открылись светлые полосы линолеума. Возле стены стояли две закрытые коробки. На одной крупно было написано «Ксюша». Подпись шла по косой, потому что отец писал, не поворачивая коробку к себе.

— Папа, это мы.

Сумка зацепилась за ручку входной двери. Оксана дёрнула её, освободила и поставила на пол, ключи положила на обувную полку. Людмила прошла за ней. Дверь закрылась с обычным тяжёлым щелчком.

Из маленькой комнаты виднелись белые Варины макеты. На кухне никто не сидел. Оксана повернула к большой комнате и сначала увидела только ноги отца, вытянутые из-за края стола.

— Люда.

Она ещё могла произнести это обычным голосом. Решила, что отец лежит под столом, что-то прикручивает, хотя стол был слишком низкий и он давно жаловался на шею.

Потом сделала ещё шаг.

Илья лежал на боку, лицом к стене. Одна рука была согнута у груди, другая вытянута вперёд ладонью вверх. Под головой темнело пятно. Волосы над ухом слиплись; на светлом краю линолеума пятно заканчивалось неровной бурой полосой.

Оксана опустилась возле вытянутой руки.

— Папа.

Ей хотелось, чтобы он повернул голову и рассердился: не видишь, занят. Она коснулась его запястья. Кожа была холодной, пальцы неподвижно согнуты так, словно он всё ещё держал небольшой предмет, которого в ладони не было.

— Папа, слышишь?

Людмила стояла у её плеча. Потом села прямо на пол, боком, не снимая пальто. Подняла руку к лицу Ильи и остановилась, не дотронувшись.

— Позвони, — сказала она.

Оксана достала телефон. Экран не сразу узнал палец. Она набрала сто двенадцать, назвала город, улицу, номер дома. Номер квартиры вылетел из головы; Людмила тихо подсказала.

— Отец на полу. Не отвечает. Кровь возле головы.

Её спросили о дыхании. Она отвечала, смотрела туда, куда её просили посмотреть, говорила о холодной коже, о скованном теле. Несколько раз сбивалась на «мы только вошли»; женщина на линии спокойно возвращала её к вопросу. Оксана делала всё, что ей говорили, и старалась не смотреть на неподвижную ладонь.

Людмила пересела ближе к стене, освобождая место. Оксана слышала её дыхание: короткий вдох, пауза, ещё один. Когда потребовался возраст отца, ответила Людмила.

— Шестьдесят семь.

Потом они ждали помощи. Оксана удерживала телефон так крепко, что заболел большой палец. На экране всплыло сообщение от Тамары: «Ты когда примерно? Пришли за пальто». Она смахнула его. Ей стало стыдно за пальто, за магазинные чехлы, за вчерашнюю гречку. Она не понимала, при чём здесь всё это, но обычные слова теперь причиняли боль.

Людмила повернула к ней лицо.

— Я ему вчера посылку отправила.

— Я знаю.

— Он хотел сам.

Оксана положила телефон на колено и осторожно взяла её за локоть. Людмила не отодвинулась, только посмотрела на чужую руку, как будто не могла понять, зачем она здесь.

* * *

Когда позвонили в дверь, Оксана поднялась и обнаружила, что ноги почти не слушаются. Дошла до прихожей, открыла. На пороге стояли двое полицейских. Один спросил, кто звонил, второй посмотрел на Людмилу, которая осталась в комнате.

— Там отец. Скорая едет.

— Вы здесь живёте?

— Нет. Это папина квартира.

Людмила поднялась следом, придерживаясь за стену.

— Я жена.

Полицейский посмотрел на неё, затем снова на Оксану.

— А вы дочь?

Она кивнула.

Он попросил их пока оставаться в прихожей. Оксана начала объяснять, что вещи не трогала, только руку, что отец лежал именно так. Мужчина выслушал и повторил просьбу. Она остановилась возле дверного проёма, пока Людмила не прошла мимо неё.

В прихожей мешала сумка. Оксана хотела поднять её, потом остановилась.

— Это моя. Я с ней пришла.

— Свои вещи возьмите.

Ключи лежали на обувной полке. Она взяла их вместе с сумкой. Пальцы плохо сгибались. Красная нитка прилипла к влажной ладони.

Бригада приехала вскоре после полиции. Женщина с медицинской сумкой попросила показать, где отец, хотя мужчина в форме уже уступал ей дорогу. Второй медик задержался у Людмилы: та стояла, прижавшись затылком к стене, и смотрела перед собой.

— Вам плохо? Сядьте.

Людмила покачала головой.

— Я могу стоять.

— Лучше сядьте.

Оксана вспомнила про табурет в кухне, сделала туда шаг, но полицейский остановил её и сам спросил у коллеги, можно ли взять стул из прихожей. Только тогда она увидела стул: старый, с продавленным сиденьем, на котором бабушка переобувалась. Он стоял на своём месте всё это время.

Людмила села. Оксана осталась рядом, прижимая сумку к животу.

Когда медик вышла из комнаты, Оксана поняла ответ раньше, чем та заговорила. Женщина посмотрела сначала на Людмилу, потом на неё.

— Ваш муж умер. Мне очень жаль.

Людмила тихо спросила, уверена ли она. Женщина присела перед ней, ответила, что уверена: есть изменения, которые наступают после смерти. Помочь уже нельзя.

Оксана услышала только последнее. Зацепилась за слово «уже», попыталась представить время, когда ещё было можно, и сразу увидела свой раскройный стол, тётин конверт, холодную гречку. Вчера у неё было столько времени рассердиться на отца.

— Когда? — спросила она.

Медик подняла голову.

— Когда он умер?

— Это будут устанавливать. Сейчас я вам не скажу.

— Ночью?

— Я не могу назвать время.

Оксана хотела спросить ещё, но Людмила сжала её запястье. Сильно, всеми пальцами.

— Дай мне телефон.

Оксана протянула свой.

— Мой, Ксюша. Он у меня в кармане. Я не могу достать.

Она наклонилась, нашла телефон в глубоком кармане пальто и вложила ей в руку. Людмила долго смотрела на экран, пока он не погас. Нажала снова.

— Я Варе должна.

— Подожди. Пусть кто-нибудь к ней придёт.

— Кто?

Оксана не знала. Антона видела один раз на фотографии в семейной группе; номера его у неё не было. Варя была взрослая, жила в другом городе, работала, сама находила людей, которых родители знали по именам и не знали по телефонам.

— Спроси, где она. Одна или нет.

Людмила набрала дочь. Оксана отошла на лестничную площадку и позвонила Артёму.

— Ты можешь приехать?

— Что случилось?

Она открыла рот и не смогла произнести слово, которое только что слышала в квартире. Артём повторил вопрос уже другим голосом.

— Папа умер, — сказала она. — Мы приехали, а он здесь.

На площадку вышел полицейский. Оксана отступила к окну, чтобы не мешать ему пройти. Артём что-то спрашивал; она не сразу поняла, что ему нужен адрес, хотя он бывал здесь десятки раз.

— В старой квартире. Я с Людой.

— Скорая есть?

— Есть. Они сказали.

— Я еду. Не уходи никуда. Я сейчас.

Она услышала, как он зовёт кого-то по имени, затем связь прервалась.

Нужно было позвонить Владу. Оксана нашла брата, приложила телефон к уху. Длинные гудки повторялись. Она смотрела на перила, выкрашенные коричневой краской; на ближайшем изгибе к ней присох чей-то короткий волос. Из соседней квартиры донёсся звук телевизора.

Влад не ответил.

Она нажала ещё раз.

* * *

К тому времени, когда приехал Артём, в квартире стало много незнакомых людей. Они представлялись, уточняли имена, спрашивали об отце. Оксана пыталась запомнить каждого и путалась. Мужчина в тёмной куртке, который назвался следователем Суровцевым, ещё раз попросил рассказать, как они вошли.

Она начала с того, что собиралась забрать ткань.

— Мы договорились на девять. В воскресенье. То есть я вчера написала, что буду в девять, а приехать обещала ещё в воскресенье.

— Понял. Дверь была закрыта?

— Да. Я своим ключом открыла.

— Что вы трогали после входа?

Оксана назвала сумку, ручку двери, отцовскую руку. Потом вспомнила ключи. Показала их, разжав ладонь. Суровцев попросил объяснить, где был отец и с какой стороны она подошла. Она повторила. Людмилу он уже расспросил отдельно; теперь та стояла на площадке с Артёмом.

— У кого ещё есть ключи?

— У Люды. У папы. У меня.

— Больше ни у кого?

Оксана хотела сказать «ни у кого», но вспомнила, что отец мог дать ключ брату, Роману, любому, кто обещал привезти вещи.

— Постоянно — у нас троих. Мог кому-нибудь давать. Я не знаю.

Суровцев сделал запись.

— Когда вы видели отца в последний раз?

— В воскресенье. Мы были у них. Ненадолго, днём. Я отвозила ему пакеты.

Она вспомнила, как он вынес из кухни коробку и предложил поднять. Оксана не стала: у неё болел локоть после раскроя толстого пальто. Отец сказал, что тогда сама виновата, останется без испытания на прочность.

— А разговаривали?

— Потом ещё по телефону. Тоже в воскресенье. Он просил передать Алёне…

Она остановилась. Назвать фамилию Алёны оказалось труднее, чем вспомнить последнюю беседу с отцом.

— Ганиной. Жена моего двоюродного брата. Чтобы она пришла в понедельник. А вчера встречу отменили.

— Кто отменил?

— Мне Костя позвонил. Константин Ганин. Сказал, папа просил. Я Алёне передала.

— Сам отец вам в понедельник не звонил?

— Нет.

Вопрос был простой. Оксана ответила и вдруг поняла, почему все вчерашние дела так настойчиво возвращались сейчас. Она перебирала их как подтверждения, что отец где-то рядом. Машина была в сервисе, посылка ехала в Кострому, тётя везла деньги. Но разговаривала она весь день с другими.

Суровцев попросил не стирать сообщения и пока оставаться здесь. Ему ещё понадобятся телефоны родственников и сведения о тех, с кем отец общался в последние дни.

— Он упал? — спросила Оксана.

Следователь посмотрел ей в лицо.

— Мы выясняем, что произошло.

— Там кровь.

— Я видел.

Он говорил без раздражения, но Оксане стало стыдно, словно она пыталась объяснить взрослому человеку что-то очевидное. Она убрала ключи в сумку и вышла к Артёму.

Людмила сидела на подоконнике лестничного окна. Артём стоял перед ней с бутылкой воды; крышку держал отдельно, в другой руке. Увидев Оксану, он поставил бутылку рядом с Людмилой и обнял жену.

Она упёрлась лбом ему в грудь. Рабочая куртка пахла холодным воздухом и тем знакомым сухим запахом, который оставался на одежде после смены. Оксана стиснула ткань у него на боку. Только теперь у неё получилось заплакать, и от этого стало трудно дышать: вдох обрывался, горло болело, она не могла остановиться, хотя рядом проходили чужие люди.

Артём гладил её по спине. Ничего не говорил.

В кармане зазвонил телефон. Оксана дёрнулась, отпустила куртку. Артём хотел достать аппарат за неё, но она сама нашла его через ткань и вынула.

Звонил Влад.

— Ты где? — спросила она.

— На заказе. Что такое? Два раза звонила.

За его голосом слышался грохот, кто-то попросил подержать дверь. Оксана дождалась, пока он скажет этому человеку: «Секунду».

— Выйди, пожалуйста. Где тихо.

— Ксюш, говори. Я слышу.

— Папа умер.

Грохот прекратился. Теперь она слышала только брата.

— Как умер?

Оксана посмотрела на Артёма, потом на Людмилу. Та держала бутылку обеими руками, но так и не выпила.

— Приезжай к старой квартире. Мы здесь.

— Сейчас. Сейчас я…

Он не закончил. Оксана стояла с телефоном у уха, пока не поняла, что вызов уже завершён.

Глава 4. Машина внизу

Влад сидел на корточках перед кухонной тумбой и держал цоколь, пока Стас выравнивал ножки. Из соседней комнаты всё время выходил хозяин квартиры. Спрашивал, скоро ли, заглядывал под столешницу, возвращался к себе и через две минуты появлялся снова.

— Вы работу проверьте, потом принимайте, — сказал ему Влад. — Мы ещё не закончили.

— Я просто смотрю.

— Посмотрите пока смеситель. Который вы купили. Где он?

Хозяин ушёл искать коробку. Стас тихо выдохнул.

— Ещё один такой осмотр, я его сюда приглашу. Пусть подержит.

— Он подержит. Ему понравится.

Влад поправил цоколь. Край лёг на палец, пришлось приподнять обеими руками. Телефон в заднем кармане завибрировал. Он не стал доставать: если сейчас отпустить, Стас опять собьёт высоту, а они уже дважды начинали заново из-за неровного пола.

Телефон замолчал, потом зазвонил ещё раз.

— Бери, — сказал Стас.

— Давай сначала защёлкнем.

Они закрепили планку. Влад выпрямился, потёр колено, оставил ладонью белый след на штанине. Вынул телефон. Два вызова от Оксаны, сообщение от Даши с фотографией квитанции. Квитанцию он не открыл. Нажал на имя сестры.

Пока она отвечала, хозяин вернулся с коробкой смесителя, задел её углом дверной косяк и попросил придержать дверь. Влад подставил ногу.

— Секунду.

Оксана попросила его выйти туда, где тихо. Он сказал, что слышит, и тут же услышал.

Некоторое время Влад продолжал держать дверь ногой. Хозяин уже прошёл, коробка стояла на столе, Стас смотрел на него снизу вверх. Влад убрал ногу. Дверь медленно пошла обратно и остановилась на свёрнутой подложке.

— Мне ехать надо, — сказал он.

Стас поднялся.

— Что?

— Отец.

Дальше не получилось. Влад сунул телефон в карман, достал, проверил, закончился ли разговор, и снова убрал. Начал собирать инструмент. Положил в ящик шуруповёрт, сверху — чужой смеситель.

Стас вынул коробку и отодвинул ящик к стене.

— Одевайся. Я отвезу.

— Тут закончить надо.

— Я потом закончу.

Хозяин стоял возле стола.

— У вас что случилось?

Влад поднял на него глаза. Тот посмотрел на Стаса, понял что-то по его лицу и отошёл, освобождая проход.

На улице Влад не сразу нашёл машину. Они приехали на Стасовом фургоне, а он смотрел между припаркованными автомобилями, ища отцовский светлый универсал. Вчера весь день ездил на нём. Сегодня машина стояла под отцовскими окнами, там, где он оставил её поздно вечером.

Стас открыл пассажирскую дверь.

— Садись.

— Я сам доеду.

— На чём?

Влад оглянулся и полез в кабину.

* * *

У подъезда он первым делом увидел машину. Стояла вплотную к невысокому кусту, задними колёсами у бордюра. Он вчера долго выбирал место, чтобы отцу не пришлось выбираться на мокрую траву. Даже переставил, когда понял, что пассажирская дверь окажется над лужей.

Влад остановился возле капота.

В воскресенье отец позвонил ему из старой квартиры и попросил в понедельник забрать машину после ремонта. Сам собирался разбирать вещи и не хотел ехать через город ради десяти минут у стойки приёма. Сервис он уже оплатил.

— Только сразу сюда, — сказал отец. — Мне к вечеру может понадобиться.

— Понадобится — набери. Я привезу.

— Я тебе сейчас набираю. До пяти.

Влад согласился. Накануне на его собственном фургоне окончательно отказал стартер, и Стас предложил день поездить вместе. Но у Стаса после обеда был свой заказ, а Владу нужно было отвезти фурнитуру и две дверцы, которые не влезали поперёк в багажник обычной легковушки. В отцовский универсал влезали. Он заранее знал, как сложить сиденья.

В понедельник забрал машину перед обедом. Мастер отдал документы, показал, что заменили, попросил передать Илье Константиновичу, чтобы тот не тянул с задней щёткой. Влад пообещал. Сел, упёрся коленями в панель и отодвинул сиденье назад.

В салоне пахло отцовскими яблоками. Илья возил их осенью в пакете, раздавал знакомым, забывал несколько под сиденьем, потом обвинял пассажиров в том, что они не следят за порядком. Влад достал из-под своей ноги одно яблоко, вытер о футболку и положил в подстаканник.

К пяти он не успевал. Оказалось, что дверцы нужно не только привезти: человек, который должен был их установить, не приехал. Хозяйка уже сняла старые и сидела на кухне среди вынутой посуды. Влад позвонил отцу — без ответа. Написал: «Задерживаюсь. К вечеру будет».

Потом сломался дешёвый крепёж, пришлось ехать за другим. Потом выяснилось, что хозяйке надо переставить полку, потому что новый фильтр занимает больше места. Влад сделал, получил деньги и только на улице увидел, что уже темнеет.

Он снова набрал отца. Гудки шли долго. Влад успел сложить инструмент и выкурить половину сигареты, которую взял у соседа по лестничной площадке.

Отец не ответил. Влад потушил сигарету, сел в машину и поехал к нему.

В девятом часу окна большой комнаты светились. Он припарковался, написал «Привёз» и поднялся на третий этаж. Позвонил в дверь. Подождал. Позвонил ещё раз.

Из соседней квартиры вышла женщина с собакой. Собака потянулась к Владу, понюхала край его сумки с инструментами, затем передумала и побежала вниз. Женщина поздоровалась. Он спросил, не видела ли она отца.

— Сегодня нет. А чего?

— Не открывает.

— Может, вышел.

Влад кивнул, хотя только что видел свет. Отец мог уйти ненадолго, мог быть в ванной, мог нарочно не открывать после обещанного «до пяти». Последнее было на него не похоже, но Влад успел разозлиться именно на это объяснение. Позвонил на мобильный ещё раз. За дверью слышалось негромкое дребезжание — отцовский телефон действительно лежал где-то внутри.

Он постоял. Попробовал ручку. Дверь не открылась.

Ключа от квартиры у него не было. Когда-то был, но несколько лет назад он потерял связку и так и не сделал новый: Оксана всегда могла открыть, отец почти всегда был на месте. Теперь звонить сестре из-за нескольких часов опоздания не хотелось. Она немедленно начала бы выяснять, зачем он вообще задержал машину.

Влад решил отнести ключи Людмиле. Уже на лестнице вспомнил, что её нет в городе. Вернулся вниз, сел на скамью у подъезда и написал отцу: «Ключи завтра занесу. Машина внизу».

Это было правдой. Он поставил машину, поднялся, позвонил, подождал. Всё сделал почти как собирался. Только отца не увидел.

Пока ждал такси, позвонила Алёна.

— Ты сегодня у Ильи Константиновича был?

— Сейчас от него.

— Он как?

Влад посмотрел на освещённое окно.

— Нормально. А что?

— Ничего. Завтра узнаю.

Она отключилась прежде, чем он придумал, как поправить собственный ответ. Влад не стал перезванивать. Отец завтра сам со всеми поговорит, а ему нужно домой, в душ, отмывать руки от герметика. Даша уже спрашивала, будет ли он ужинать, или можно убирать со стола.

Теперь Влад стоял у той же машины и доставал из кармана ключ с маленьким потёртым брелоком. Ключ был у него. Свет вчера горел. Телефон звонил внутри.

Стас подошёл сзади.

— Подниматься с тобой?

— Я сам.

Влад пошёл к подъезду, но остановился у двери. Набрал код только со второй попытки.

На третьем этаже пахло чем-то резким, чужим. Оксана стояла возле окна рядом с Артёмом. Людмила сидела, опустив голову. Влад увидел раскрытую дверь квартиры и направился туда, не поздоровавшись.

Полицейский преградил вход.

— Вы кто?

— Сын.

— Подождите здесь.

— Мне к отцу.

— Сейчас нельзя.

Влад попытался посмотреть через его плечо. Видны были свёрнутая дорожка, картонная коробка, край чужой тёмной куртки. Отца не было видно. Влад шагнул ещё раз, полицейский выставил руку.

Артём подошёл и взял его за плечо.

— Влад, подожди.

— Чего ждать? Я к нему.

Оксана повернулась от окна. У неё распухли веки, на левой щеке лежал мокрый след. Влад с детства не переносил, когда она плакала: слишком быстро начинал злиться на того, из-за кого это случалось. Сейчас некуда было направить злость.

— Его увезут, — сказала она. — Тебя спросят. Подожди со мной.

Он дал Артёму отвести себя к окну. Людмила подняла голову. Влад хотел обнять её, но она встала сама, и он уткнулся лицом ей в волосы.

— Я вчера был здесь, — сказал он.

Людмила отстранилась ровно настолько, чтобы посмотреть на него.

— Когда?

— Вечером. Машину привёз.

— Ты с ним говорил?

Он покачал головой.

— Не открыл. Я подумал, вышел.

Людмила всё ещё держалась за его рукав. Пальцы понемногу разжались.

— Надо было мне позвонить.

— Ты в Ярославле была.

— У меня ключи. Нина могла…

Она замолчала. Влад ждал, что она закончит, скажет, кого можно было попросить, кому позвонить, что сделать. Он готов был выслушать всё. Людмила отвернулась к окну.

Оксана спросила:

— Во сколько приехал?

— В девятом. Я ему писал. В телефоне есть.

— Ты никому не сказал, что он не открывает?

— Нет.

— Почему?

— Ксюш, — сказал Артём.

— Я спрашиваю. Он вчера приехал, папа не открыл, и он уехал.

Влад смотрел на ключ в своей ладони. Брелок был когда-то синим, теперь по краям облез до белого пластика. Отец не менял его лет десять.

— Да, — сказал Влад. — Уехал.

Оксана прижала пальцы ко рту. Артём обнял её за плечи, но она не повернулась к нему. Несколько секунд они стояли совсем близко и не смотрели друг на друга.

Из квартиры вышел мужчина в тёмной куртке, спросил, кто Владислав Ильич. Влад поднял голову.

— Я.

— Суровцев, следователь. Давайте отойдём.

* * *

Они спустились на один пролёт. Суровцев попросил рассказать о вчерашнем вечере. Влад начал с ремонта машины, сбился на её оплату, сказал, что отец всё оплатил сам, хотя его об этом не спрашивали.

Следователь выслушал.

— Теперь про приезд сюда. Во сколько, что видели, что делали.

Влад достал телефон. Сообщение «Привёз» было отправлено в двадцать одиннадцать. Следующее — «Ключи завтра занесу. Машина внизу» — через восемь минут. Между ними он поднимался, звонил, говорил с соседкой и стоял возле двери.

— Видели свет в окне?

— Да.

— А человека в квартире?

— Нет. Я не входил.

— По телефону разговаривали?

— Нет. Я же говорю, звонил — не отвечал.

Суровцев кивнул, не обидевшись на резкость. Уточнил, откуда Влад слышал телефон, сколько раз нажимал звонок, трогал ли дверь. Попросил описать соседку с собакой. Влад не знал её имени, но показал дверь на площадке выше.

— Она тоже сказала, сегодня не видела.

— Мы с ней поговорим. Когда лично видели отца?

— В субботу. Он ко мне в гараж приезжал. За зарядным устройством.

— А в воскресенье?

— Говорили. По телефону. Про машину.

Влад открыл список вызовов, показал. Ему хотелось скорее рассказать всё, что можно было проверить. Где забрал машину, кому вёз дверцы, кто видел его после пяти. Даже сумму за установку. Он впервые обрадовался, что хозяйка перевела деньги на карту и в сообщении написала благодарность: был человек, который помнил вчерашний вечер иначе, чем он сам.

Суровцев попросил сохранить контакты. Уточнил, приезжал ли он ещё после того, как оставил машину. Влад ответил, что нет, уехал домой на такси. Назвал адрес, имя Даши, её номер. После этого спросил:

— Он вчера уже… когда я звонил?

Следователь закрыл блокнот не сразу.

— Пока не могу ответить. Будут результаты исследования.

— Но мог?

— Владислав Ильич, сейчас мы восстанавливаем всё по порядку.

Влад сунул телефон в карман. Порядок был простой: забрал машину, задержался, вернул, не дождался, ушёл. Он мог назвать каждое действие, даже время некоторых. Только это ничем не помогало отцу.

— Что с ключами? — спросил он.

Суровцев посмотрел на связку.

— От автомобиля?

— Да. Он внизу.

Следователь попросил пока ничего из машины не забирать и не переставлять её. Если понадобится осмотреть, с Владом свяжутся; номер телефона у него есть. О месте парковки спросил ещё раз, затем вернулся наверх.

Влад остался на пролёте. Хотел позвонить Даше, но на экране увидел Алёну. Она звонила сама.

Он ответил.

— Ксана мне сказала, — произнесла Алёна. — Я еду. Люда там?

— Все здесь.

— Тётя Эмма знает?

— Не знаю.

Алёна помолчала.

— Вчера, когда ты у него был… Он ничего тебе не говорил?

Влад упёрся затылком в стену. Штукатурка царапнула кожу.

— Я не был у него.

— Ты сказал, только что от него.

— Я машину привёз. Он не открыл.

В трубке было тихо.

— А «нормально» — это что значило?

— Алён, я не знал.

— Я тоже не знала.

Она сказала это без крика, и от этого стало хуже. Влад попытался объяснить: он решил, отец вышел; не хотел снова стоять и ждать, уже опоздал; собирался утром. Слова делались длиннее, смысла в них становилось меньше.

— Я скоро буду, — сказала Алёна и закончила разговор.

Влад положил телефон на подоконник, рядом с отцовским ключом. Потёр ладонями лицо. На коже осталась пыль от сегодняшней кухни; он почувствовал её под пальцами и наконец понял, что так и не помыл руки.

* * *

Стас ждал внизу. Влад вспомнил о нём, только когда тот написал: «Я здесь. Скажешь, если нужен». Забрал с подоконника телефон и ключ, спустился, извинился и попросил вернуться к заказчику. Стас сказал, что всё нормально.

— Инструмент у меня. За фургон твой я сам узнаю. Сегодня не думай.

Влад кивнул.

— Деньги за кухню потом поделим, — добавил Стас. — Сейчас не надо.

— Я не про деньги.

— Я знаю. Это я сразу, чтобы ты не начал.

Он пожал Владу руку и поехал. Влад смотрел, как фургон медленно выбирается между чужими машинами. Потом вернулся к отцовскому универсалу и остановился у водительской двери, вспомнив просьбу следователя.

Через стекло было видно яблоко в подстаканнике. На боку темнела вмятина — вчера он задел его углом ящика, когда заталкивал инструмент. Отец бы заметил. Сказал бы, что яблоко можно было сначала съесть, тогда нечего мять.

Влад стоял у машины, пока из подъезда не вышел Артём.

— Поедем к Люде, — сказал он. — Она здесь больше не может. Ксюша с ней. Ты с нами?

— Её отпустили?

— Да. Позвонят, скажут, что дальше.

— Я подожду.

Артём хотел что-то возразить, но передумал.

— Набери, когда поедешь.

Влад вынул отцовский ключ.

— Отдай Люде. От машины. Следователь сказал, пока её не трогать.

— Хорошо.

Артём убрал связку в карман и остался рядом.

— Ксюш, — позвал он.

Оксана вышла из подъезда, поддерживая Людмилу под локоть. Увидела брата, остановилась. Влад ждал, что она снова спросит, почему он вчера уехал.

— Даша знает? — сказала она.

Он покачал головой.

— Позвони. Она тебя ждёт.

Влад вынул телефон. Даша ответила сразу, спросила про квитанцию. Он попросил её послушать и впервые за утро сказал всю фразу сам.

Оксана стояла рядом. Когда он закончил, взяла его за руку, испачканную белой пылью, и сжала.

Глава 5. Зелёная пиала

Дома Людмила прежде всего увидела шарф. Он висел на крючке в прихожей, серый, с короткими кистями, и ничем не отличался от того, что она вчера сняла со стула. Людмила потянулась к нему, но не сняла. За её спиной Оксана спрашивала Артёма, кому он уже позвонил.

Людмила прошла на кухню. У двери больше не стояла коробка. На столе лежала бумага, в которую она заворачивала пиалу для Вари; оторванный кусок остался возле сахарницы. Людмила сложила его пополам и положила на подоконник.

— Что тебе сделать? — спросила Оксана.

— Ничего.

— Чай?

— Не хочу.

Оксана всё-таки налила воды в чайник. Людмила смотрела, как она ищет чашки: сначала открыла не тот шкафчик, потом нашла нужный, взяла три, поставила на стол. Одну снова убрала. Артём остался в прихожей, говорил с кем-то негромко.

— Варя едет? — спросила Оксана.

— Антон привезёт.

— Хорошо. Соня тоже собирается. Я сказала ей подождать, пока поймём, когда…

Она не договорила. Людмила посмотрела в окно. В доме напротив на балконе сушился плед, прижатый сверху двумя яркими прищепками. Ветер отгибал нижний край и возвращал обратно.

Оксана поставила перед ней пустую чашку.

— Тамара ателье закроет. Я никуда не спешу.

— У меня сегодня занятие.

Людмила вспомнила об этом внезапно, будто речь шла о чужой договорённости. В шесть должны были прийти четверо. Двое только начали, одна женщина ещё стеснялась брать большой кусок глины и каждый раз просила самый маленький, чтобы не испортить материал.

— Я напишу, — сказала Оксана.

— У тебя нет их номеров.

— Дай телефон.

Людмила удержала аппарат в ладони.

— Я сама.

Оксана остановилась, потом отступила к чайнику.

В группе учениц были вчерашние фотографии чашек. Под зелёной стояло несколько сердечек; Оля написала, что хорошо получилось и что она всё равно больше любит свою пятнистую. Людмила начала набирать: «Сегодня занятия не будет». Посмотрела на фразу. Добавила: «Умер мой муж».

Палец остановился над кнопкой отправки. Пока эти слова никому не посланы, группа оставалась местом, где люди обсуждали глазурь. Людмила могла закрыть её и ещё несколько секунд не объяснять случившееся.

Она отправила сообщение.

Ответы появились сразу. Она отключила звук и перевернула телефон экраном вниз.

Оксана налила чай. Людмила сдвинула чашку к краю стола, чтобы не опрокинуть локтем.

— Документы нужно найти, — сказала она. — Его паспорт у меня. Дома оставил.

— Давай найдём.

— Я знаю, где.

Она поднялась, прошла в комнату, открыла нижний ящик письменного стола. Папка лежала под инструкцией от стиральной машины. Здесь же были старые квитанции, две фотографии на документы, гарантия на телевизор, которого уже не было. Илья хранил такие бумаги дольше самих вещей. Говорил, что бумага не мешает.

Людмила вынула паспорт, положила на стол. На фотографии муж был моложе, волосы темнее, рот сжат. Он не любил сниматься и всегда пытался выглядеть серьёзнее, чем был в жизни.

— Вот, — сказала она.

Оксана остановилась у порога. Не подошла сразу. Людмила закрыла паспорт и положила сверху папки.

В дверях появился Артём.

— Эмма Константиновна с Алёной. Алёна за ней заехала, они к нам. Сначала она была у квартиры, Влада встретила.

Людмила кивнула.

— Костя знает?

— Алёна ему сказала. Он возвращается.

— Не надо ему ночью ехать.

Она сама удивилась тому, что сказала. Как будто можно было ещё распоряжаться, кто когда выезжает, кто у кого ночует, что привезти к столу. Артём ответил, что передаст, и убрал телефон.

На столе зазвонил Людмилин. Она вздрогнула. Незнакомый номер, местный. Оказалось, мастерская, где она заказала подставки для сушки работ. Всё готово, можно забирать.

Людмила сказала, что сегодня не сможет.

— Завтра? — спросил мужчина.

— Не знаю. Позже.

— У нас места мало, вы договаривались сегодня.

Она посмотрела на паспорт.

— У меня муж умер. Я вам позвоню.

Мужчина сразу изменил голос, извинился, сказал, что всё подождёт. Людмила поблагодарила его за это, и только после разговора у неё задрожала нижняя губа. Оксана подошла, обняла за плечи. Людмила не смогла опереться на неё: слишком непривычно было искать у старшей дочери мужа то, чего они друг другу прежде не давали.

— Я лягу ненадолго, — сказала она.

Оксана отпустила.

* * *

Людмила не спала. Лежала поверх покрывала и слышала, как в квартире понемногу собираются люди. Сначала пришли Алёна и Эмма. Тётя говорила громко, потом вдруг перестала. В прихожей что-то упало, Артём поднял. Оксана несколько раз проходила мимо спальни, не заглядывая.

Людмила смотрела на оставленную Ильёй футболку. Он повесил её на спинку стула, собираясь надеть после душа, но потом взял другую. Эта была с выцветшей надписью на груди. Варя подарила её давно, привезла из поездки и предупредила, что рисунок глупый. Илья сказал, что тем лучше: от умного рисунка он бы уставал.

Дверь тихо открылась. Эмма остановилась на пороге.

— Можно я?

Людмила села.

Эмма вошла без пальто, в светлой кофте, застёгнутой неправильно: одна пуговица пропущена, нижние края разной длины. В руках она держала сумку, которую не оставила в прихожей.

— Я не буду долго, — сказала она.

Села на край кровати. Людмила подвинулась, освобождая место, хотя места хватало.

Эмма достала из сумки сложенный вчетверо лист.

— У него долг был. Я вчера отдала. Чтобы ты знала.

Людмила посмотрела на бумагу, но не взяла.

— Какой долг?

— Роману. Сорок восемь. Он мне написал, что получил.

— Илья тебе деньги дал?

Эмма помолчала.

— Я свои пока. Не надо сейчас, Люда. Я не за этим.

— Я ничего не говорю.

— Знаю я, что ты думаешь.

Людмила подняла глаза.

— Нет. Сейчас не знаешь.

Эмма разгладила лист на колене. Вверху была дата — вчерашняя. Ниже несколько строк и размашистая подпись. Людмила прочла фамилию: Чаплыгин. Роман работал с мебелью, иногда помогал Илье достать сухую доску или небольшую деталь для старого инструмента. Людмила встречала его на рынке, однажды пила с его женой чай, пока мужчины что-то обсуждали возле машины. О долге она не знала.

— Он за что брал?

— Не сказал.

— И ты не спросила?

— Спросила. Он сказал, вернёт, только сейчас надо. Я у него не бухгалтер.

Эмма снова сложила лист. Людмила подумала, что сейчас тётя обидится и уйдёт, унеся бумагу с собой. Но та положила её на покрывало между ними.

— Он в воскресенье мне позвонил. Просил заехать к Роману в понедельник. Я сказала, пусть деньги приготовит. Потом он что-то про банк начал. Я уже не слушала. Решила, сама отвезу, чего тянуть.

— Ты с Романом виделась?

— Виделась. В мастерской. Сидел, чай пил. Взял и написал. Я ещё попросила разборчиво, а он смеётся: «Илья Константинович мою подпись знает». Вот и всё.

Людмила провела ладонью по покрывалу, расправляя складку возле листа.

— Тебе эти деньги нужны?

— Люда.

— Я спрашиваю. У меня есть.

— Не надо.

Эмма сняла очки, протёрла стёкла краем кофты. Потом заметила пропущенную пуговицу и попыталась исправить. Пальцы не попадали в петлю. Людмила потянулась помочь, но Эмма покачала головой и расстегнула кофту совсем.

— В детстве он у меня всегда занимал, — сказала она. — По мелочи. На мороженое, на билет. Я запоминала. Прямо в голове держала: столько-то, тогда-то. Он говорил, что у меня память вредная.

Она засмеялась без звука, одним движением лица, и сразу закрыла рот ладонью.

Людмила придвинулась. Эмма наклонилась к ней, упёрлась лбом в плечо. Очки остались у неё в руке; дужка давила Людмиле в бок, но она не пошевелилась.

Из прихожей донёсся Варин голос.

Людмила подняла голову. Эмма отодвинулась, села прямо, торопливо стала застёгивать кофту. Людмила встала раньше, чем успела решить, что скажет дочери.

* * *

Варя стояла у двери в расстёгнутой куртке. За её спиной Антон держал небольшую дорожную сумку. Оксана хотела взять у неё рюкзак, но Варя не отдала, прошла мимо и остановилась перед матерью.

— Мам.

Людмила обняла её. Дочь уткнулась ей в шею, как в детстве, когда прибегала с улицы, сердитая и заплаканная, и ещё не хотела объяснять, что случилось. Людмила гладила её по спине, чувствуя под курткой тугие лямки рюкзака.

— Сними, — сказала она. — Тебе тяжело.

Варя покачала головой.

Они постояли, пока Антон осторожно не поставил сумку у стены. Тогда Варя отстранилась, стащила рюкзак с одного плеча. Людмила помогла со второй лямкой. Из кармана торчал свёрток в той самой бумаге, в которую вчера была завёрнута пиала.

— Ты зачем привезла?

Варя посмотрела на него и вдруг заплакала сильнее.

— Не знаю.

Людмила вынула свёрток, поставила на тумбочку. Дочь схватила её за руку.

— Не разворачивай.

— Хорошо.

Антон тихо спросил, где можно помыть руки. Артём показал. Людмила была благодарна ему за этот обычный вопрос: пока молодой человек уходил в ванную, можно было провести Варю в комнату, посадить, снять с неё куртку и перестать стоять перед всеми. Свёрток с пиалой Людмила занесла следом, положила на тумбочку у кресла.

Эмма обняла внучатую племянницу. Варя поздоровалась с ней почти неслышно, потом огляделась.

— Где Влад?

— Там остался, — ответила Оксана из дверей. — Скоро приедет.

— Он папу видел?

Людмила сказала, что не знает, пустили ли его. Варя посмотрела на мать так, будто та не ответила на главный вопрос.

— А вы?

— Мы нашли его, Варя.

— Я знаю. Ты сказала. Я не про…

Она замолчала и стала теребить рукав свитера. На манжете была маленькая дырка, которую Людмила заметила ещё вчера. Хотела предложить заштопать, но дочь тогда сказала, что ей так удобно просовывать большой палец.

Теперь Варя натянула рукав на руку до самых костяшек.

— Он мне в воскресенье звонил. Я тебе говорила.

— Помню.

— Восемь уже было. Или позже. Мы по видео.

Оксана подошла ближе, но ничего не спросила. Варя сама достала телефон.

— Я ему комнату показывала. Он сказал, стол не к той стене поставила, свет сзади будет. Я спорила. Потом посмотрела — правда сзади. Я же ему это не сказала.

Людмила села рядом. Ей хотелось ответить, что он и так знал, что не надо было говорить, что всё это не имеет значения. Ни одна из этих фраз не подходила к Вариному лицу.

— Он любил смотреть, как ты устроилась, — сказала она.

— Он только стену видел. Я телефон к окну поворачивала, меня вообще не было видно.

— Тебя он слышал.

Варя открыла список вызовов, провела пальцем по экрану. Людмила смотрела на её руки. Ещё вчера эти руки держали зелёную пиалу, раскладывали чужой складной стул, поправляли на подоконнике чертежи.

— Двадцать сорок шесть, — сказала Варя. — Начали. Шесть минут. Я думала, дольше.

Оксана присела на подлокотник кресла.

— Он у себя был? В старой квартире?

— Да. В большой комнате. На фоне окна сидел. Потом поднялся, я потолок увидела. Ему позвонили.

— На телефон?

— В дверь. Он сказал: «Сейчас открою». Я ещё спросила, кому. Не ответил, уже шёл. Потом сказал, что позже перезвонит.

Людмила почувствовала, как Оксана выпрямилась рядом. Варя посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего. Это надо будет следователю рассказать.

— Я расскажу.

— Ты больше ничего не слышала?

— Нет. Он отключился.

Варя убрала телефон, потом снова достала и показала матери ещё одну фотографию комнаты. На этом снимке было уже темно, горела лампа, на подоконнике стояла бутылка воды.

— Это я в воскресенье сняла. Ему отправила, после разговора.

Людмила взяла её за руку. Оксана встала и вышла. Она не стала просить переслать ей фотографию или повторить точное время, и Людмила впервые за день почувствовала к ней тихую благодарность, в которой не было напряжения.

Варя прислонилась к матери. Посидела так, затем спросила:

— Он сильно?.. Ты видела?

Людмила поняла, о чём она, но отвечать не могла. Перед глазами опять появилась вытянутая рука Ильи. Она прижала дочь к себе.

— Не сейчас, Варя.

Дочь кивнула. Они молчали, пока в коридоре не прошёл Артём. Он остановился у двери, спросил, можно ли войти, и положил на комод отцовский автомобильный ключ.

— Влад передал. Машина возле старой квартиры. Пока просили не трогать.

Людмила поблагодарила. Ключ остался лежать у рамки с Вариной школьной фотографией.

* * *

К вечеру Людмила смогла съесть половину бутерброда. Алёна сделала их маленькими, на один укус, и поставила тарелку рядом, ничего не предлагая. Варя сидела на полу у кресла. Антон устроился возле неё, прислонившись к стене; они держались за руки так тихо, что Людмила заметила только тогда, когда дочь потянулась за стаканом.

Эмма уехала с Алёной. Перед уходом спросила, не нужно ли чего-нибудь привезти утром. Людмила ответила, что позвонит. Тётя сказала, что будет ждать, хотя обычно на такие слова сердилась: мол, потом забудете и решите, что старухе ничего нельзя поручить.

Оксана наконец дозвонилась Соне. Ушла в прихожую, говорила долго. Людмила слышала лишь обрывки: «Не одна», «Папа с нами», «Сначала узнай, кто завтра едет». Речь шла об Артёме, и всё равно слово «папа» каждый раз заставляло её поднимать голову.

Телефон Людмилы завибрировал на подлокотнике.

Звонил Суровцев. Она встала и вышла на кухню. Села за стол; чашка по-прежнему стояла у края, где Людмила оставила её после возвращения.

Следователь уточнил, может ли она завтра приехать, назвал время и адрес. Людмила нашла ручку, записала на обороте старой квитанции. Потом спросила, когда можно будет забрать мужа.

— Завтра обсудим порядок, — сказал он. — Исследование ещё не закончено.

— Он упал?

Суровцев помолчал недолго, но Людмила успела услышать за дверью Варин голос.

— Есть основания считать, что на него напали. Случайным падением это пока не объясняется.

Людмила смотрела на написанный адрес. Первая цифра получилась больше остальных, будто её писал другой человек.

— Вы думаете, его убили?

— Мы проверяем обстоятельства насильственной смерти. Подробности сейчас обсуждать не буду. Мне нужно, чтобы вы завтра рассказали о воскресенье, о его планах и знакомых. Если вспомните что-то до встречи, звоните.

Она сообщила о Варином разговоре: вечером, по видео, кто-то пришёл. Следователь попросил номер дочери. Людмила сказала, что Варя здесь, и спросила, передать ли ей телефон. Он попросил передать.

Варя вышла на кухню. Взяла аппарат у матери, выслушала вопрос, назвала время. Людмила ушла в комнату, чтобы не мешать. Увидела на тумбочке свёрток с зелёной пиалой и остановилась возле него.

Оксана вошла вслед за ней.

— Что он сказал?

Людмила попыталась повторить слова Суровцева. Не смогла. Сказала своими:

— Кто-то его ударил. Они думают, это не падение.

Оксана опустилась на край кресла. Долго смотрела на неё, потом спросила, нужно ли позвонить Владу.

— Позвони. Пусть приезжает сюда.

Людмила села возле тумбочки и осторожно поправила бумагу на свёртке. Разворачивать не стала: обещала Варе.

Глава 6. Обыкновенное лицо

На фотографии отец держал перед собой огромную капусту. Лист закрывал половину подбородка, глаза смеялись. Оксана увеличила снимок, подвинула лицо к середине экрана и сразу уменьшила обратно.

— Эту не надо, — сказал Влад.

— Я понимаю.

— Я могу у себя поискать.

Он сидел рядом на диване, уже умытый, в чистой футболке. Даша привезла её вместе с кофтой и осталась на кухне помогать Артёму убрать со стола. Влада она не расспрашивала. Когда приехала, обняла в прихожей, потом отступила и молча стёрла пальцем белое пятно у него за ухом.

Теперь он листал свой телефон. У него почти не было фотографий отца без машины, инструмента или чужой руки перед объективом. На одном снимке Илья выглядывал из-под открытой двери шкафа; на другом показывал треснувшую деталь так близко к камере, что лица не было видно. Третий оказался видео. Из телефона вдруг раздалось:

— Ты снимай, как она ходит, а не меня.

Влад выключил звук. Оксана положила руку ему на предплечье.

— Оставь. Потом посмотрим.

— Там петля. Он показывал.

— Я поняла.

Варя ушла с матерью в спальню. Антон остался ночевать, хотя сначала собирался вернуться в Ярославль: утром ему надо было на работу. Он позвонил руководителю, поговорил возле окна и вернулся с таким видом, словно только что сделал что-то недозволенное. Артём показал, где лежит раскладушка, и они вдвоём понесли её в комнату.

Оксана подняла ноги, пропуская их между диваном и креслом. Влад убрал со стола стаканы. На несколько минут все занялись простым делом: найти простыню, отодвинуть низкий столик, проверить, защёлкнулись ли ножки. Оксана успела подумать, что отец обязательно вмешался бы и стал объяснять, с какого края удобнее держать.

Она открыла следующий снимок. Илья стоял возле Волги, в расстёгнутой куртке. Ветер прижал ткань к животу, волосы разлетелись. Отец смотрел не в объектив, а куда-то в сторону, и на лице было его обычное нетерпеливое выражение: сняла? Ну пойдём уже.

— Такой, — сказал Влад.

Оксана увеличила фотографию. Она была резкой, только фон слишком светлый.

— Люде покажем.

Влад кивнул, и она сохранила снимок отдельно. Никакой торжественности в нём не было. Отец просто ждал, пока дочь уберёт телефон.

В прихожей зазвонил домофон. Артём пошёл открывать. Оксана услышала Костин голос и поднялась раньше, чем тот вошёл.

Он приехал прямо с дороги. Ворот рубашки измялся, на одной щеке осталась красная полоса, словно он долго тёр лицо ладонью. Костя снял куртку, не найдя свободного крючка, повесил на сгиб локтя. Увидел Оксану, обнял.

Она уткнулась ему в плечо и почувствовала знакомый запах дорожного кофе. Костя всегда пил его в машине, проливал на подстаканники, возил с собой пачки салфеток. Однажды Оксана отдала ему целый обрез плотной ткани, чтобы не тратил бумагу, а он через месяц вернул его чистым: пригодился завернуть стекло.

— Где Люда? — спросил он.

— С Варей. Подожди, я скажу.

Но Людмила уже вышла из спальни. Костя сделал шаг к ней, остановился, будто не был уверен, можно ли обнимать. Она сама положила ладонь ему на плечо.

— Доехал?

Он кивнул.

— Ты ел?

— Люд, не надо.

— Я спросила.

— Ел.

Она опустила руку. Костя смотрел на неё и никак не мог найти следующую фразу. Оксана впервые заметила, что молчать ему трудно: он привык сразу предлагать выход, время, машину, номер человека, который поможет. Сейчас он только переступил с ноги на ногу и посмотрел в комнату.

Влад поднялся. Мужчины обнялись, коротко, неловко. Даша забрала у Кости куртку, нашла место в шкафу. Когда он благодарил, Оксана увидела у него в руке телефон с открытой перепиской: Алёна спрашивала, приехал ли. Костя написал ответ и убрал аппарат.

— Мама у неё, — сказал он. — Я потом заберу.

— Пусть остаётся, — ответила Людмила. — Ей одной сейчас не надо.

— Да. Я просто вещи привезу.

Они прошли в комнату. Костя остановился возле разложенной кровати, спросил у Антона, останется ли тот, предложил отвезти его утром, если понадобится. Антон поблагодарил и сказал, что доберётся сам. Варя вышла следом за матерью, увидела двоюродного брата и вдруг прижала лицо к его груди. Костя обнял её, погладил по волосам.

Оксана отвернулась к столу. Снимок у Волги всё ещё был открыт на экране. Она погасила телефон.

* * *

Через полчаса Оксана собиралась домой. Артём помогал Людмиле найти вторую подушку для Даши: она с Владом тоже решила остаться. В квартире не хватало спальных мест, но все отвечали, что устроятся. Оксана знала, как это бывает: утром кто-нибудь проснётся поперёк дивана, кто-нибудь — на полу с затёкшей рукой, и никто не признается, что ему было неудобно.

Она одевалась в прихожей. Костя вышел следом, достал куртку из шкафа и придержал дверцу, чтобы Оксана могла снять с нижнего крючка сумку.

— Завтра по делам надо будет — звони, — сказал он. — Я свободен.

— Ты же только приехал. Работу бросил.

— Там закончили. Остальное по телефону.

Оксана нашла в сумке ключи, провела пальцем по растрёпанной красной нитке и убрала связку в боковой карман.

— Костя, ты с папой когда говорил?

Он посмотрел на неё.

— В воскресенье.

— Про Алёну. Когда он сказал, чтобы не приходила.

— Тогда и сказал. Я к нему заезжал.

Оксана застыла, держа сумку за одну ручку.

— В старую квартиру?

— Да. Часов в шесть. После шести, наверное. Я точнее посмотрю.

— Ты вчера мне так сказал, будто только что с ним разговаривал.

Костя помолчал.

— Я сказал, что он просил передать.

— Ты сказал, разговаривали.

— Разговаривали. Ксюш, в воскресенье. Вчера я уже уехал.

Она вспомнила его голос у себя над обедом: близкий, спокойный, без дорожного шума. «У него всё сдвинулось». Ей и в голову не пришло спросить, когда сдвинулось.

— Почему ты вечером не передал?

— Забыл. Серьёзно. У меня сборы были, груз ещё надо было забрать. Утром вспомнил, на остановке тебе набрал. До шести же время оставалось.

— Почему не Алёне?

Костя отвёл ворот куртки, попавший под ремень сумки.

— Она утром не брала. Потом я уехал. Решил через тебя, раз ты её приглашала.

— Она брала у меня.

— Значит, у тебя взяла. У меня нет. Я не знаю, что ещё сказать.

Оксана опустила сумку на пол. Костя тоже перестал одеваться.

— Я тебя не обвиняю, — сказала она.

— Я понимаю.

— Просто сегодня следователь спросил, разговаривал ли кто-то с ним в понедельник. Я думала, ты.

Костя провёл ладонью по лицу.

— Нет. В воскресенье. Я ему скажу. Мне уже звонили, завтра утром подъеду.

Из комнаты вышел Артём, нёс свёрнутое покрывало. Увидел их, остановился.

— Мы через минуту, — сказала Оксана.

Он кивнул и пошёл в спальню.

— Папа зачем отменил? — спросила она тише.

— Не объяснял. Сказал, пока не надо. У него там всё было завалено, он сердился, что половина вещей чужие, а разбирать одному. Я помог коробку переставить, потом уехал.

— Долго был?

— Минут двадцать. Полчаса, может. Я не засекал.

— Он один был?

— Да.

Костя оглянулся на открытую дверь комнаты. Влад стоял у стола, разговаривал с Людмилой, придерживая ладонью рамку с фотографией.

— Ксюш, я всё понимаю. Но я сейчас не вспомню по минутам. Завтра с ними сяду, посмотрю звонки. Что помню, расскажу.

— Хорошо.

Она подняла сумку. Костя надел куртку и спросил, не нужно ли привезти из ателье что-нибудь тёплое для Людмилы: Оксана часто оставляла там семейные вещи, которые собиралась подшить.

— Не нужно. Здесь всё есть.

— Ладно.

Он ушёл за Эмминными вещами, а Оксана осталась ждать Артёма. Из комнаты слышалось, как Людмила спрашивает, где лежит ещё одна наволочка. Варя ответила, что найдёт. Влад сказал, что можно без неё, и две женщины одновременно возразили.

Оксана прижалась плечом к стене. Отец не отменял встречу в понедельник. Во всяком случае, теперь это был совсем другой рассказ: воскресенье, старая квартира, забытая просьба, переданная на дороге. Она могла повторить его, но уже не могла сказать, что знает, как всё было.

* * *

В среду утром Тамара сама позвонила и сказала, чтобы Оксана не приезжала.

— Пальто забрали. Брюки тоже. На завтра я людей перенесла. Где надо — сказала, что семейное.

— Тебе одной тяжело.

— Ксюша, я тридцать лет одна подшивала. Ещё день выдержу.

Оксана стояла в своей кухне, в халате, с открытой пачкой кофе. Артём уехал на работу: договорился, что вернётся, когда понадобится. В квартире было тихо. Сонина дверь оставалась приоткрытой, и Оксана, проходя мимо, несколько раз заглядывала внутрь, хотя прекрасно знала, что дочери там нет.

— У меня заказы записаны в тетради. Серое пальто не отдавай, я подкладку ещё не…

— Я видела. Не отдам.

— И женщина должна за платьем прийти, зелёным.

— Позвоню ей.

Оксана поставила пачку на стол.

— Спасибо.

Тамара помолчала.

— Ты поешь. Не кофе вместо еды.

— Поем.

— Я знаю, как ты обещаешь.

После разговора Оксана сделала бутерброд. Откусила, проглотила с трудом, допила холодную воду из стакана. Потом оделась и поехала к следователю: он назначил ей время после Людмилы.

В коридоре было несколько одинаковых стульев. На одном сидела Людмила, на другом — женщина с папкой, которую Оксана не знала. Между ними лежал чей-то зонтик. Людмила держала паспорт мужа в прозрачном файле.

— Ты уже? — спросила Оксана.

— Ещё нет. Подожди со мной.

Оксана села рядом. Они не стали говорить о вчерашнем. Людмила показала сообщение от Сони: та нашла знакомую девушку, которая едет из Костромы в Рыбинск, и собиралась вернуться с ней. Внизу было: «Доставку попросила пока подержать. Я сама потом заберу».

— Она тебе написала? — спросила Оксана.

— Про машинку. Я же отправитель.

Оксана открыла свою переписку с дочерью. Там тоже было сообщение, только короче: «Мам, выезжаю сегодня. Не переживай». Она не заметила его, пока говорила с Тамарой.

Людмилу пригласили. Оксана осталась с незнакомой женщиной и зонтиком. Телефон хотелось держать в руке, но она убрала его в сумку. На стене напротив висела памятка. Оксана прочла первые две строки, дошла до третьей и начала сначала.

Когда вышла Людмила, прошло много времени. Она остановилась возле стула, опустила на него сумку и долго застёгивала файл.

— Я тебя подожду, — сказала она.

— Езжай домой. Варя там одна?

— С Владом. Я подожду.

Оксана не стала спорить.

В кабинете Суровцев предложил ей сесть, уточнил данные, объяснил, о чём будет спрашивать. На этот раз разговор занял больше времени, чем на лестничной площадке. Оксана

рассказывала о воскресенье, о звонках, о том, что отец собирался разобрать квартиру. Когда дошла до Алёниной встречи, Суровцев попросил повторить слова, которые она слышала сама.

— «Кое-что обговорить». Папа так сказал. А я решила, про стоматологию.

— Почему?

— Алёна в клинике работает. Он у неё спрашивал раньше.

— В этот раз упоминал зубы, лечение, врача?

— Нет.

Она сказала это и почувствовала, как глупо звучало прежнее объяснение. Оно ей нравилось: простая причина для простой встречи. Все знали, зачем отец позвал Алёну. На самом деле никто не спросил.

Суровцев уточнил время воскресного звонка. Оксана показала историю на телефоне. Разговор был днём, уже после её короткого визита к отцу и Людмиле. Она вернулась домой, они с Артёмом начали разбирать кладовку, и отец попросил помочь ещё с одним делом.

— Вчера Ганин сказал, что был у него в воскресенье после шести, — добавила она. — И тогда папа отменил. Я раньше думала, они в понедельник говорили.

— Раньше — это когда?

— Когда он мне передавал. Я не уточнила.

Суровцев попросил рассказать, где и при ком состоялся вчерашний разговор с Ганиным. Оксана ответила, что в прихожей у Людмилы; рядом проходил Артём. Она говорила медленнее обычного, стараясь не дополнять воспоминание тем, что теперь казалось очевидным.

Потом были вопросы о ключах, деньгах, здоровье отца, его знакомых. Оксана назвала Романа, объяснила про тётю Эмму. О прежних конфликтах сказала, что ничего серьёзного не знает. Тут же вспомнила, как отец однажды перестал здороваться с соседом из-за сломанного замка на общей двери, и рассказала об этом тоже.

— Давно?

— Два года назад. Или три. Они потом вместе велосипед чинили.

Суровцев записал и это. Оксана вдруг испугалась, что теперь невиновного соседа будут считать убийцей из-за старой ссоры, которую она сама почти забыла.

— Я не думаю, что он…

— Я понял. Вы рассказывайте, что знаете.

Она рассказала. В конце прочла записанное, остановилась на словах об отмене встречи и попросила исправить: не «отец сообщил», а «Константин передал со слов отца». Суровцев внёс уточнение, дал прочитать снова. Оксана подписала.

— Когда он умер? — спросила она, отодвинув ручку.

— Устанавливаем.

— Влад был там в понедельник вечером. Мы всё думаем, мог ли он… Если бы не ушёл.

Суровцев посмотрел на неё.

— Пока нет оснований считать, что ваш брат мог тогда помочь. Но окончательные выводы по времени ещё не готовы.

Оксана сжала пальцы под столом.

— Раньше понедельника вечера?

— Предварительно — заметно раньше. Не прошедшей ночью перед обнаружением. Точнее сейчас говорить не буду.

Она кивнула, хотя кивок ничего не означал. В голове возник понедельник: Тамара с подколотыми брюками, тётя у стола, посылка у кухонной двери, телефон в ладони. Все они что-то делали. Отец ни разу не ответил.

— Его убили?

Суровцев ответил прямо:

— Мы расследуем убийство вашего отца.

Оксана опустила глаза на лежавшую перед ней ручку. На колпачке был чей-то след от зубов. Она смотрела на него, пока снова не услышала своё имя.

Следователь объяснял, как с ним связаться, если она вспомнит что-то ещё. Оксана записала номер, хотя он уже был в её телефоне. Ей нужно было сделать хоть что-нибудь безошибочно.

* * *

На улице Людмила остановилась, развернула файл и опять закрыла. Оксана предложила зайти куда-нибудь поесть. Людмила отказалась.

— Они спросили, не пропало ли что-нибудь, — сказала она. — Я не знаю. В той квартире столько вещей. Мы с тобой ничего не заметили.

— Мы не смотрели.

— Я понимаю. Я им так и сказала.

Оксана вспомнила коробку со своим именем. Ткань, которую надо было забрать во вторник. Теперь она не могла представить, что когда-нибудь войдёт туда за тканью и понесёт её в ателье.

Людмила убрала файл в сумку.

— Роман вчера звонил Эмме. Сказал, если нужно, поможет. Она дала ему мой номер.

— Он тебе позвонил?

— Пока нет. Ты его хорошо знаешь?

— Не очень. Папа с ним общался. Влад ещё.

Они дошли до машины, которую вызвала Оксана. Водитель опустил стекло, назвал её имя. Она открыла заднюю дверь, пропуская Людмилу.

— Тётя у Романа расписку взяла?

— Взяла, мне отдала. Я убрала в папку к документам.

— Хорошо.

Людмила села. Оксана обошла машину с другой стороны, устроилась рядом. Открыла в телефоне выбранную вчера фотографию отца у Волги, которую так и не показала.

— Посмотри. Такую можно?

Людмила взяла телефон. Долго смотрела, потом приблизила лицо.

— Можно. Только куртку не обрезай совсем. Он её любил.

Оксана кивнула.

— Я помню.

Она сохранила снимок ещё раз, уже без тесной обрезки. За плечом отца осталась узкая полоса воды.

Глава 7. Сорок восемь

В среду Стас привёз Владу инструмент и ключи от фургона. Машину оставил во дворе, позвонил снизу. Влад вышел в той же футболке, в которой спал, и только на лестнице заметил, что надел кофту наизнанку.

Стас стоял возле открытого капота.

— Сделали. Заводится.

Стас наклонился в открытую водительскую дверь, повернул ключ. Двигатель загудел. Влад кивнул, не наклоняясь посмотреть.

— Сколько?

Стас назвал сумму. Влад достал телефон.

— Потом, — сказал Стас.

— Я сейчас переведу.

— Не надо сейчас. Я свои отдал, мне не горит.

Влад посмотрел на него. На щеке у Стаса была серая полоса, на куртке — маленькое круглое пятно от клея. Вчера они вместе собирали чужую кухню, позавчера договаривались о перевозке. Всё это происходило как будто очень давно, но куртка была та же и пятно то же.

— Спасибо.

— Съезди домой, переоденься. Ты сколько здесь сидеть будешь?

— Варя одна пока.

— Она взрослая. И Антон у неё есть.

— Антон уехал.

Влад услышал в своём ответе раздражение и потёр лоб.

— Я не ругаюсь. Просто не хочу оставлять.

Стас закрыл капот.

— Понял. Ты звони. Я вечером свободен.

Он пошёл к остановке. Влад предложил подвезти, но Стас махнул рукой: уже договорился встретиться рядом с заказчиком. Влад сел в фургон, передвинул свой ящик с пассажирского сиденья на пол и несколько минут слушал двигатель.

Отец сказал бы, что лишнего шума больше нет. Обязательно открыл бы капот снова, приложил ладонь куда-нибудь, попросил газануть, а потом признал, что нормально сделали. Влад не стал ничего открывать. Заглушил двигатель и вернулся наверх.

Варя стояла у кухонного окна. У неё в руке была чашка, на столе лежала тетрадь с рабочими записями. Она пыталась объяснить кому-то по телефону, где сохранён нужный файл. Говорила ровно, почти сердито. Когда закончила, положила аппарат экраном вниз.

— Ты поедешь? — спросила она.

— Домой ненадолго. Переоденусь.

— Езжай. Я здесь.

— Мама скоро вернётся.

Варя кивнула. Влад постоял в дверях.

— Тебе что-нибудь купить?

— Нет.

— Поесть хотя бы.

— Влад, у нас полный холодильник. Вчера все что-то принесли.

Он посмотрел на пакеты у стола, на две одинаковые коробки печенья. Сам вчера привёз хлеб, потому что не знал, с чем прийти. Теперь хлеба хватило бы на неделю.

— Ладно. Я недолго.

* * *

Дома Даша уже собиралась на смену. В передней комнате сушилось бельё. Она сняла с перекладины пару его носков, проверила, высохли ли, и положила на стул.

— Ты кофе будешь? — спросила она.

— Не знаю.

— Я сделаю.

Влад сел на кухне. На столе лежала вчерашняя квитанция, которую Даша присылала ему на телефон. Он взял её, посмотрел на итоговую сумму и положил обратно.

— Оплатила?

— Да. Вчера утром.

— Я свою часть переведу.

Даша включила кофеварку, повернулась к нему.

— Я не напоминаю. Ты сам спрашивал, сколько за квартиру вышло.

— Я знаю.

— Просто чтобы это не висело у тебя в голове.

Влад провёл пальцем по краю бумаги. Ему хотелось, чтобы хотя бы деньги можно было разделить на отдельные кучки и с каждой сделать понятную вещь: за фургон отдать Стасу, за квартиру Даше, на похороны положить Людмиле. В телефоне всё лежало одной суммой, которая при каждом новом подсчёте становилась меньше.

— Тётя за папу сорок восемь отдала, — сказал он.

— Знаю. Ты вчера говорил.

— Надо вернуть.

Даша поставила перед ним чашку.

— Надо. Только сначала узнайте, за что и когда. И кто что уже оплатил. Люда не просила тебя одного всё закрыть.

— Она вообще ничего не просит.

— Поэтому ты решил сам?

Он взял чашку, не выпил.

— Даш, давай не сейчас.

Она села напротив.

— Хорошо. Не сейчас. Я только не хочу, чтобы ты завтра пообещал ещё кому-нибудь то, чего у тебя нет.

Влад посмотрел на неё. Она не отвела глаз, но и продолжать не стала. Телефон на столе завибрировал. Позвонила Оксана.

Сестра спросила, где он, потом сказала, что Людмила возвращается домой. Предупредила про Сонин приезд и передала слова следователя: пока нет оснований думать, что Влад мог помочь отцу в понедельник вечером.

— Они время знают?

— Ещё уточняют. Он сказал, раньше. Заметно раньше.

Влад посмотрел на Дашу. Та слушала только его половину разговора и ждала, что он объяснит.

— Я понял.

— Влад, ты Романа хорошо знаешь?

— Работаем иногда. А что?

— Хочу понять, за что папа ему был должен. Люда не знает. Тётя тоже.

— Я спрошу.

— Не надо с ним ругаться.

— Я сказал — спрошу.

После разговора он допил кофе. Даша подошла, положила ему ладонь на затылок и постояла так, пока он не отставил чашку.

— Что сказали?

— Что я бы уже не помог.

Она ничего не ответила. Влад обнял её за талию, прижался лицом к животу. Через несколько секунд отпустил.

— Тебе на работу.

— Успею.

Он всё-таки встал. Переоделся, нашёл чистые носки, потом долго искал ключи от фургона, которые сам положил рядом с кофеваркой. Даша молча подала их ему. В прихожей он поцеловал её в щёку и сказал, что вернётся вечером.

— Позвони, если останешься у Люды, — ответила она. — Я не против. Только скажи.

* * *

Роман Чаплыгин занимал длинное низкое помещение во дворе за магазином. Когда Влад подъехал, ворота были открыты, внутри пахло свежим деревом и нагретой пылью. На улице стояли два кресла без подушек, накрытые сверху прозрачной плёнкой. Одно промокло с угла: плёнку сдуло, и на подлокотнике осталась тёмная полоса.

Влад поправил укрытие. Роман вышел на звук, держа в руке кружку.

— Привет.

Он остановился возле ворот. Влад поздоровался. Они смотрели друг на друга, не зная, нужно ли сейчас пожимать руки.

Роман поставил кружку на край стола, подошёл и крепко сжал Владу плечо.

— Соболезную.

— Спасибо.

— Проходи.

В помещении работало радио. Роман выключил его, хотя голос диктора был совсем негромкий. Подвинул к Владу табурет, сам остался стоять. Руки у него были большие, с коротко обрезанными ногтями; на указательном пальце белела старая полоса шрама. Влад помнил, как Роман однажды рассёк его стамеской и полчаса сердился на испорченную заготовку, прежде чем поехал зашивать палец.

— Я вчера Эмме звонил, — сказал Роман. — Не знал, кому ещё. К вам не полез, у вас и так там.

Влад кивнул.

— Когда хоронить?

— Ещё не сказали.

— Понял. Ты потом сообщи.

Роман взял со стола тонкую дощечку, повертел, положил на то же место. Влад сел на табурет.

— Я про деньги хотел спросить.

Роман поднял брови, но не удивился.

— Сорок восемь?

— Да.

— Отдала тётя. Всё. Я ей расписку написал.

— Я знаю. За что папа брал?

— Взаймы. В июле.

— На что?

Роман провёл ладонью по столешнице, смахивая опилки.

— Он мне не докладывал. Сказал, человеку помочь надо.

— Какому?

— Женщине какой-то. Я её не знаю. Не спрашивал.

Влад посмотрел на сложенные возле стены щиты. На одном карандашом был нарисован большой крест, рядом написано «не резать». Ему захотелось читать всё, что попадалось на глаза, лишь бы Роман продолжал сам.

— У него на ремонт машины деньги были, — сказал Влад.

— Ну и что? Он не в понедельник занимал. В июле. Вернуть обещал двадцатого сентября. Не вернул. Я напомнил.

— В воскресенье?

— Да.

— Позвонил?

Роман посмотрел на него внимательнее.

— Заехал. Он сам сказал, что будет в старой квартире.

Влад поставил обе ноги на пол.

— Вечером?

— Вечером. После семи. Я до этого у клиента был, снимал размеры. Потом к нему.

— И что?

— Ничего. Поговорили. Он сказал, завтра сестра привезёт. Я сказал, хорошо.

Роман говорил ровно, но кружку снова взял в руку и держал, не отпивая. Влад посмотрел на его пальцы.

— Долго разговаривали?

— Не знаю. Минут сорок. Может, меньше. Влад, ты что хочешь спросить?

— Я хочу понять, как всё было.

Роман поставил кружку.

— Поругались мы. Если ты про это. Я приехал за своими деньгами, а он мне опять — завтра. У меня жена ждёт, когда я за материалы расплачусь. Я не банк и не миллионер. Я ему дал, потому что Илья попросил. Он всегда возвращал.

— В этот раз не вернул.

— В этот раз срок тянул. Потом вернул. Через сестру.

Влад молчал.

Роман открыл ящик стола, вынул папку на резинке. Начал перебирать бумаги, откладывая накладные отдельно. Влад видел тыльную сторону его руки, толстую вену возле запястья, опилки, приставшие к манжете. Роман нашёл небольшой лист и положил перед ним.

— Вот его. Я в понедельник не отдал Эмме, дома лежал. Сегодня принёс, собирался передать. Возьми.

Это была долговая расписка. Влад узнал отцовские крупные буквы ещё до того, как прочёл имя. Сумма — сорок восемь тысяч, дата возврата — двадцатое сентября. Внизу стояла подпись. Причины займа на листе не было.

— Ты говорил кому-нибудь, что у него был?

— Из полиции утром звонили. Поеду после обеда. Расскажу.

— А нам почему не сказал?

— Кому вам? Вчера я Эмме соболезновал. Она плакала, я двух слов не связал. Должен был сразу про деньги?

Влад опустил глаза на бумагу.

— Я не про деньги.

— А я не понимаю, про что. Ты пришёл про деньги.

Из глубины мастерской донёсся стук. Молодой работник вынес небольшую раму, спросил, оставлять ли под зажимом. Роман ответил, что до вечера, и показал на дальнюю полку. Когда парень ушёл, разговор уже нельзя было продолжить с прежней резкостью.

Влад взял расписку за край.

— Он один был?

— Один. Когда я был — один.

— Никто не приходил?

— При мне нет.

— Ушёл ты во сколько?

Роман достал телефон. Несколько раз провёл пальцем по экрану.

— В восемь я уже жене писал, что еду. Вот, двадцать ноль семь. Она список прислала, что купить.

Он повернул экран. Влад увидел короткое «Вышел. Скоро», ниже — несколько продуктов. Не стал читать дальше.

— Ты от папы вышел?

— От него. Мне ещё в магазин надо было.

Роман убрал телефон, потом снова вынул.

— Им покажу. Пускай смотрят. Я ничего не прячу.

Влад сложил расписку и положил в нагрудный карман.

— Женщина эта… Он имя называл?

Роман задумался. Взял дощечку со стола, снова положил.

— Нет. Сказал, ей с ребёнком жить негде. Я спросил, родственница? Он ответил: свои. Я больше не лез.

Влад вспомнил стол.

Отец попросил отвезти его в августе, когда у Влада было свободное утро. Низкий детский стол с нарисованной на столешнице кошкой. Когда-то за ним сидела Соня, потом стол стоял у бабушки в маленькой комнате, заваленный журналами. Илья привёз его к фургону сам, вместе с двумя коробками книг, и сказал, что там ждут.

По адресу оказался обычный дом. Отец встретил Влада возле подъезда, помог поднять стол. Дверь открыла пожилая женщина, присматривавшая за мальчиком. Сам мальчик сначала спрятался за неё, потом подошёл посмотреть на кошку. Женщина сказала, что Рената ещё на работе, но место подготовила. Илья показал, куда поставить.

Влад пробыл в квартире минут десять. Женщину принял за хозяйку или бабушку, ребёнка — за внука знакомой. Отец много кому помогал. Владу тогда заплатили за другую перевозку, он торопился получить деньги и уехал, не спросив, кто такая Рената.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.